



Г
в
а
р
д
е
й
с
к
а
я



Андрей
Бондаренко

кавалерия

Группа «Азимут»

Андрей Бондаренко
Гвардейская кавалерия

«Автор»

2015

Бондаренко А.

Гвардейская кавалерия / А. Бондаренко — «Автор»,
2015 — (Группа «Азимут»)

Эрнесто Че Гевара – «последний романтик Революции». И именно с его личность (да и с его Судьбой), связано суперсекретное задание, поставленное перед бойцами группы «Азимут». Что это за задание? Мол, неусыпно охранять и оберегать Че? И это, конечно, тоже. Но не только...

Содержание

От Автора	5
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвёртая	34
Глава пятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Бондаренко

Гвардейская кавалерия

От Автора

Эрнесто Че Гевара – «последний романтик Революции».

И именно с его личность (да и с его Судьбой), связано суперсекретное задание, поставленное перед бойцами группы «Азимут».

Что это за задание? Мол, неусыпно охранять и оберегать Че?

И это, конечно, тоже. Но не только...

Автор

Миттельшпиль, середина Игры

Ник проснулся в восемь тридцать утра.

«Вау-у-у! Качка, похоже, уменьшилась», – заметил сонный внутренний голос. – «А ночью мотало – не приведи Бог. И не выспаться толком: с койки, того и гляди, свалишься.... Следовательно, шторм откочевал куда-то? Нормальный вариант. Вставай-ка, братец. Полюбопытствуем – что да как. Лишним, ей-ей, не будет...».

Он оперативно оделся, покинул каюту и, предварительно посетив туалетную комнату («галюн» – по-морскому), поднялся на палубу. А после этого, понятное дело, на капитанский мостик.

Ветер заметно стих, дождик прекратился, но небо по-прежнему оставалось серо-чёрным, без малейшего намёка на присутствие ласкового утреннего солнышка. А седовласый капитан яхты и его юная помощница, напрочь позабыв о своих прямых судовых обязанностях, увлечённо целовались, оставив штурвал без присмотра.

– Кха-кха! – известил о своём появлении Ник. – Ну, волки-волчицы морские, вы и даёте. Обо всём на Свете, голубки влюблённые, позабыли.... А мы, часом, с курса не сбились?

– Очень надо, – неохотно выпуская из объятий невесту, скорчил обиженную гримасу Куликов. – За кого, Никитон, ты меня принимаешь? За жёлторотого и легкомысленного салабона? Напрасно, право слово. Руль намертво «заклинен». Идём, как и было задумано, строго на восток.... Хи-хи-хи, – неожиданно захихикал, а отсмеявшись, пояснил: – Губы у тебя, алмазная донна, знатно распухли. Ну, вылитая негритянка с ближайших карибских островов, если, конечно, только по ним судить...

– Если, Серж, хочешь увидеть классического «губастика», то спустись в кают-компанию и посмотришь в зеркало, – отпаривала Мартина. – Прежде, чем подкалывать.... Всё нормально, командир, с курсом. Видишь, дымок с правой стороны? Это «Гранма» идёт по волнам. Вернее, тащится – словно черепаха беременная.

– С правым дымком, как раз, всё понятно.... А кто это у нас слева по курсу дымит?

– Что ещё такое? – пристально всматриваясь в северную часть горизонта, насторожился Куликов. – Действительно, дымит, так его и растак.... Марта, достань-ка из рундука бинокль.

– Держи.

– Спасибо.... Вот, они и начали сбываться. Паскудные смутные предчувствия, я имею в виду. Нас, дамы и господа, догоняет неизвестный сторожевик без опознавательных знаков. Вернее, идёт, сволочь, наперерез.... Тревога! Дон Андрес, спустись, пожалуйста, в трюм и разбуди моих будущих тестя и тещу. Пусть будут наготове, согласно штатному расписанию....

Сообщив Айне и Сизому о неприятной новости, Ник заглянул в свою каюту, спрятал в тайнике, размещённом в боковой стенке, пару неоднозначных документов, поместил за пазуху верный браунинг, распахнул по карманам запасные пистолетные обоймы, а после этого вернулся на капитанский мостик.

За время его недолгого отсутствия серо-зеленоватые волны, такое впечатление, явственно заматерели и обзавелись белыми пенными «барашками». Ветер – тревожно и нудно – завывал над головой. Словно бы пел песню – о безысходности всего сущего...

Светло-серый сторожевик – длинный и красивый какой-то хищной красотой, неотвратимо надвигался с норд-веста, планомерно сокращая расстояние, отделявшее его от якобы беззащитной яхты. Никаких флагов и вымпелов, по которым можно было бы судить о его национальной принадлежности, не наблюдалось.

– Подняли международный сигнал: – «Немедленно лечь в дрейф!», – тревожно передёрнув узкими плечами, сообщила Марта. – Что будем делать, кэп?

Скупое и трескучее протарахтание пулёмной очереди. С раздробленной верхушки мачты вниз полетели мелкие щепки.

– Объясняют, что имеют самые серьёзные намерения, – лениво, с чувством собственного достоинства зевнул Куликов. – Суки рваные и позорные.... Ладно, я пошёл в секретную боевую рубку. Имею на такой «пиковый» расклад непреложные и чёткие инструкции.... Поднять на клотике белый флаг! Потом, Марта, разворачивай «Кошку» так, чтобы встать правым бортом к этим грозным чудикам, и плавно гаси скорость – вплоть до нуля.

– Белый флаг? – искренне изумилась девушка. – У нас, Серж, нет на борту белого флага. Да и быть не может. Любые другие: полосатые, пятнистые, в крапинку – сколько угодно. Но, пардон, белый? «Кошка» трусостью, по твоим же собственным словам, никогда не отличалась. Опять же, непреложные законы морской чести...

– Отставить – пустые разговоры, – капитан ещё раз вяло зевнул и небрежно поправил очки с затенёнными стёклами, которые задорно качнулись на кончике его длинного носа. – Нет белого флага? Закавыка. Воспользуйся, любимая, наволочкой. А ещё лучше – простыней.... Выполнять! Моржову мать.... Удачи нам всем, соратники. И не надо – преждевременно – писать в жиденький компот.

– А дымок «Гранмы», тем временем, практически растаял, – повернув голову направо, известил Ник. – Следовательно, уходит. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно...

Дизель «Кошки» сбавил обороты, потом громко зачихал, яхта начала постепенно разворачиваться и вскоре остановилась, размеренно покачиваясь на частых и бокастых волнах.

Невесть откуда появилась-выползла лёгкая туманная дымка. До борта неизвестного преследователя оставалось порядка ста тридцати-сорока метров.

На палубе сторожевика началась какая-то бестолковая суматоха, послышался тихий скрип работающей лебёдки, с высокого борта начали спускать вёсельный баркас.

– Стоять спокойно, уроды недоделанные! – надменно оповестил на английском языке мегафон. – Стреляем без предупреждения!

Раздался лёгкий ненавязчивый шорох. Это из тайных подводных люков «Кошки» стартовали две боевые торпеды, устремляясь по направлению к борту сторожевика. Серо-зеленоватые волны – с белыми «барашками» на своих гребнях-вершинах – надёжно скрыли следы торпедной атаки. Даже Ник, чётко зная, что торпеды уже ушли, сколько не вглядывался в волны, так и не заметил характерных светлых полос.

Заметили или нет эти следы с борта сторожевика – уже не имело никакого значения. Вскоре – с секундным интервалом – прогремели два громких взрыва, заставив на короткое время умолкнуть все остальные звуки. Сторожевик – почти сразу – разломился на три составные части, превратившись за какие-то полминуты в бесполезные и беззащитные кучи металла.

«Страшное это зрелище – тонущий корабль», – кратко прокомментировал хладнокровный внутренний голос. – «Впрочем, они сами нарвались. То бишь, поделом...».

– Бывает, – зачарованно пробормотала Мартина. – В море – всякое бывает...

Через полторы минуты на капитанском мостике появился Куликов и, непринуждённо чихнув, велел:

– Запускай, Марта, двигатель и поворачивай на восток. И по скорости добавь полтора узла. Не стоит терять «Гранму» из вида. Чисто на всякий пожарный случай...

Глава первая

Стишок с «двойным дном»

Во второй декаде декабря 1951-го года его экстренно вызвали в Москву.

– Бумага подписана самим Лаврентием Павловичем, – внимательно пробежав глазами по светло-жёлтому листу, озабоченно нахмурился маршал Жуков. – Что, согласись, говорит о многом.... Вылетай, Никита Андреевич, прямо сейчас. А о дочурке не беспокойся, лично присмотрю. В том плане, что отдам соответствующие распоряжения.... Давай, прощаемся, что ли. Чисто на всякий случай. И спасибо тебе за всё...

Они тепло попрощались.

Ник доехал на служебном автомобиле до военного аэродрома, забрался по узкому трапу в пустой салон самолёта, устроился в продавленном кресле возле кабины пилотов и, отдав команду на взлёт, заснул тяжёлым и тревожным сном.

Потрёпанный и виды выдавший АНТ-4 коротко разбежался по взлётной полосе, уверенно взмыл в ярко-голубое безоблачное небо и, развёрнувшись по широкой дуге, взял курс на запад...

На подмосковном аэродроме Ника встретили два молчаливых и неприметных капитана на светло-серой «эмке». Встретили, отвезли, сопроводили до нужного кремлёвского кабинета, вежливо отковыряли и, синхронно развернувшись через левое плечо, удалились.

Он, предварительно постучавшись костяшками пальцев в светло-бежевую дверную филёнку, прошёл внутрь.

Просторная прямоугольная комната, белый сводчатый потолок, стандартная люстра на три рожка, длинный письменный стол, плотно заваленный различными документами, высокие стеллажи с книгами и толстыми картонными папками, портрет Сталина «с трубкой» на стене, старенький чёрный рояль в дальнем углу.

«За прошедшие почти одиннадцать с половиной лет здесь практически ничего не изменилось», – мысленно усмехнувшись, отметил Ник. – «Включая, в том числе, и приметную внешность хозяина кабинета. Всё такой же крупный, чуть сутулый мужчина с красивым породистым лицом вальяжного и сытого барина. Глаза, впрочем, явно выбиваются из этого образа: живые, выпуклые, блестящие, с лукавой «искоркой». Сидины в шикарной шевелюре прибавилось? Ну, если только чуть-чуть...».

– Здравия желаю, Вольф Григорьевич, – поздоровался Ник.

– И вам не болеть, товарищ Иванов, – приветливо откликнулся из кожаного антикварного кресла, располагавшегося в дальнем торце письменного стола, Мессинг. – О, уже полковник. Поздравляю.... Вам, кстати, очень идёт офицерская форма. Стройнит, так сказать.

– Спасибо.

– Да вы, Никита Андреевич, садитесь. В ногах, как известно, правды нет. Поближе ко мне. Ещё ближе...

– Спасибо, – осторожно присаживаясь на колченогий стул и снимая с головы фуражку, вежливо поблагодарил Ник.

– Не за что, – мимолётно улыбнулся хозяин кабинета. – Чай? Кофе? – нажал длинным бледным пальцем на светло-розовую кнопку, встроенную в угол столешницы и, коротко кивнув головой вошедшему младежковому капитану, велел: – Стакан крепкого сладкого чая для полковника, пожалуйста.... Ну, рассказывайте, рассказывайте, Никита Андреевич. Где и как служили? Что с личной жизнью?

– С февраля 1941-го был прикомандирован в распоряжение Георгия Константиновича Жукова. Прошёл с ним всю войну – в качестве адъютанта и помощника. Потом, с ним же, был переведён – через Одессу – в Уральский военный округ.

– Значит, в Свердловске квартируете?

– Так точно. Что же касается личной жизни... Жена умерла во время тяжёлых родов, два с половиной года назад.

– Сочувствую... А что с ребёнком?

– Жив, – облегчённо выдохнул Ник. – Вопреки пророчеству чукотского шамана Афони, родилась здоровая девочка. Три килограмма шестьсот пятьдесят грамм. Назвал – Татьяной. Нанял пожилую няню – из отставников службы НКВД. Такая история.

– Понятно...

В комнате вновь появился молодцеватый капитан и, сгрузив с прямоугольного подноса на столешницу стакан с чаем в серебряном подстаканнике и фарфоровое блюдечко с сушками, покрытыми чёрными зёрнышками мака, удалился.

– Угощайтесь, полковник, – предложил Мессинг.

– Спасибо, – Ник глотнул чая, задумчиво похрустел сушкой, а после этого предположил: – Значит, пришло время начинать операцию «Гвардейская кавалерия», о которой мы с вами говорили в этом кабинете более одиннадцати лет тому назад?

– Безусловно, пришло.

– Извините, но откуда взялось такое... м-м-м, экзотическое название? Мол, «Гвардейская кавалерия»?

– Просто стихотворение такое есть, – слегка засмущался Вольф Григорьевич. – Нет, не моё. Случайно залетевшее, так сказать, из других Времён.

– Я понимаю.... Может, ознакомите?

– Хорошо, зачиту два последних куплета. Итак...

Друг мой, просыпайся, уже стража колотит в двери.
Да, пришло время казни, просыпайся и не ворчи.
Помощь – не за горами, и я в нашу победу верю.
Гвардейская кавалерия – копытами – где-то стучит...

Только в эту сентенцию глупую верю я.
Громкий стук разрывает картинку из призрачных слов...
Это просто спешит к нам на помощь – Гвардейская кавалерия,
Из-за синих – покрытых местами цветами – холмов...

– Хорошее стихотворение, – одобрил Ник. – Со смыслом. Вернее, в нашем конкретном случае, даже с двумя. То бишь, с чётким «двойным дном».

– Поясните, пожалуйста, полковник.

– Допустим, что коварные и подлые американцы – через несколько лет – краешком узнают о проводимой нами операции. Да и об этом двустии. Но им ни за что не догадаться о том, к кому «Гвардейская кавалерия» – на самом-то деле – спешит на помощь. Ни за что и никогда...

– Это точно, – покивав массивной головой, согласился Мессинг. – Не догадаться.... Кстати, Никита Андреевич. А как в вашем 2007-ом году относились к господину Эрнесто Геваре?

– Почему – к господину?

– Потому. Пока Эрнесто для нас – «господин». Происходит из буржуазной (пусть и не богатой), семьи. Оканчивает престижный Университет Буэнос-Айреса. А полноценным «товарищем» он станет только через несколько лет. Может быть... Так как – относились?

– Молодёжь, в своём большинстве, положительно. И не только в нашей России. Не считая, конечно, зажавшихся отпрысков бизнес-политической элиты. Да и то далеко не всех... Понимаете, для многих молодых (и не только), людей стало окончательно понятно, что так называемая «демократия» двадцать первого века таковой, по сути, не является. Любая успешная предвыборная кампания, проводимая в условиях жёсткой конкуренции, требует очень-очень много денег. Где их, спрашивается, взять? Естественно, только у олигархических структур и крупных промышленно-финансовых корпораций. А там, как известно, сидят очень дальновидные, хитрые и прагматичные парни. Они каждый выделенный рубль и доллар заставят потом отработать. Жёстко заставят, под угрозой ухода (вместе со всеми деньгами), к политикам-конкурентам. Вот и получается, что Миром двадцать первого века – по факту – управляют не народы (через псевдodemократические выборы), а жадные «денежные мешки» и всякая мафиозная нечисть... Следовательно, что надо сделать? Конечно же, максимально отдалить олигархов и крупных капиталистов от Власти. А как это сделать? Ведь, все вышеназванные персоналии добровольно «отдаляться» не желают. Наоборот, упираются и будут упираться изо всех сил. Да и Правительства большинства стран к ним откровенно благоволят, будучи на финансовом содержании (в глобальном понимании), у олигархов... Получается, что эффективно действовать можно только методами Че Гевары. То есть, революционно-вооружёнными. Больше, к сожалению, никак... Вы, Вольф Григорьевич, побаловали меня стихотворением. Большое спасибо. А я вас в ответ – могу песенкой. Не возражаете?

– Да, пожалуйста, полковник. Музицируйте, сколько Душе угодно...

Ник, поднявшись на ноги, прошёл в дальний угол комнаты, где одиноко скучал низенький рояль, сел на хлипкий крутящийся стульчик и, небрежно прикасаясь подушечками пальцев к чёрно-белым клавишам, негромко запел:

Его звали – Че.
Много лет назад.
Не такой, как все.
Просто – солдат.

Отставь бокал пустой.
Ответь на мой вопрос.
Не торопись, постой.
Я говорю всерьёз.

Когда же он – вернётся?
Из тех небесных странствий?
И снова – улыбнётся,
Надежду нам даря?

И мы пойдём в атаку,
И сгинут – самозванцы,
И алыми тюльпанами
Покроется – Земля...

За окошком – свет.
На пороге – день.

Грусти больше – нет.
На душе – капель.

Поутру лишь – снег.
На небе – заря.
Серебристый – смех.
Было всё – не зря.

Когда же он – вернётся?
Из тех небесных странствий?
И снова – улыбнётся,
Надежду нам даря?

И мы пойдём в атаку,
И сгинут – самозванцы,
И алыми тюльпанами
Покроется – Земля...

В отблеске – свечей.
Пусть приходит – ночь.
Не надо нам – речей.
Все сомненья – прочь.

Они – не пройдут.
Будь спокоен, Че.
Они – не пройдут.
Никогда и нигде.

Когда же ты – вернёшься?
Из тех небесных странствий?
И снова – улыбнёшься,
Надежду нам даря?

И мы пойдём в атаку,
И сгинут – самозванцы,
И алыми тюльпанами
Покроется – Земля...

Его звали – Че.
Много лет назад.
Не такой, как все.
Лучший – солдат...

– Неплохо, – одобрительно похлопал в ладоши Мессинг. – Теперь мне многое стало окончательно-понятным и прозрачным. Очень многое.... Вот, Никита Андреевич, ознакомьтесь, пожалуйста, с данной директивой, – взял со столешницы и протянул лист тонкой светло-жёлтой бумаги. – Подписанной, между прочим, лично Иосифом Виссарионовичем.

– Приказ о переводе группы специального назначения «Азимут» – в полном списочном составе – в ваше полное и единоличное подчинение, – ознакомившись с содержанием документа, прокомментировал Ник. – М-да. Странный поворот...

– Что же вас так удивило, милейший Никита Андреевич? Упомянутая выше группа никем и никогда не расформировывалась. Да, её деятельность была временно «заморожена». Но не более того.

– Я понимаю.... Но как это – «в полном списочном составе»? На сегодняшний день в СССР лишь я один представляю «Азимут». Моя жена Зина умерла. Геша Банкин героически погиб в 1940-ом, при проведении достославной операции «Зверёныш». Мэри Хадсон в 1942-ом году была отправлена на нелегальную работу в Австрию. С тех пор о её Судьбе (по крайней мере, мне), ничего не известно. Да и капитан Куликов, вместе со своей «Кошкой», затерялся где-то в бескрайних просторах Мирового океана.... Алексей и Айна Сизых? Они уже давно и прочно обосновались в Уругвае...

– Во-первых, в Гватемале, – невозмутимо уточнил собеседник. – Их туда ещё в самом начале 1941-го года перебрал – на яхте «Стрела» – легендарный шкипер Галкин. Естественно, вместе с детишками.

– В Гватемале? – непонимающе передёрнул плечами Ник. – Что они позабыли в этой тропической глухомани? Ах, да. Кажется, понимаю.... Да, Вольф Григорьевич, вы большой дока – в сфере стратегического планирования. Ничего не скажешь.... А что у нас «во-вторых»?

– Во-вторых, группа «Азимут» будет – по мере необходимости – усиливаться дополнительными...э-э-э, дополнительными бойцами. Как старыми и проверенными, так и новыми. Одного из них представлю вам прямо сейчас, – Мессинг вновь «побеспокоил» длинным указательным пальцем кнопку на столешнице.

– Да, Вольф Григорьевич? – в дверном проёме в очередной раз показалась аккуратно-причёсанная физиономия предупредительного капитана.

– Приведите сюда офицера Банкаина.

– Слушаюсь!

Дверное полотно совершенно бесшумно вернулось на прежнее место.

– Банкин? – насторожился Ник. – Но он же.... Как же так? Ах, да. У Гешки же был младший брат.... Миша, кажется?

– Да, Михаил. У вас, товарищ полковник, замечательная память. Профессиональная, так сказать...

Дверь вновь приоткрылась. В кабинет вошёл молоденький младший лейтенант и, сделав три положенных шага, остановился, вытянулся в струнку и браво доложил:

– Младший лейтенант Банкин по вашему приказанию прибыл!

– Вольно, младший лейтенант, – вальяжно усмехнулся Мессинг. – Присаживайтесь на этот стульчик. Только сперва дверку прикройте. Ещё плотней, пожалуйста.... Вот, Михаил, а это – ваш непосредственный начальник, полковник Иванов, командир группы специального назначения «Азимут»...

– Здравия желаю, товарищ полковник! – тут же вскочил на ноги молодой человек. – Кхакха.... Я столько про вас слышал. И очень рад служить под вашим руководством...

– Садись, Михаил, садись, – начальственно махнул рукой Ник. – Я тоже рад. Надеюсь, что ты достойно заменишь погибшего брата.

– Сделаю всё, что смогу! Не сомневайтесь, товарищ полковник!

– Отставить, – строгим и непреклонным голосом велел Мессинг. – Во-первых, незамедлительно убирайте из своих лексиконов армейские нотки и характерные восклицательные знаки. Готовьтесь, что называется, к штатской жизни.... Во-вторых, товарищи офицеры, срочно и прочно забывайте и про «товарищей», и про «офицеров». А также про «полковников» и «младших лейтенантов».... Надеюсь, всё понятно?

– Так точно. Кха-кха, – болезненно кашлянув, неуверенным голосом подтвердил Банкин. – Теперь буду обращаться к товарищу полковнику только по имени-отчеству – «Никита Андреевич». Вот.... Извините за кашель. Сезонное обострение...

– Молодец, Мишенька, догадливый.... А ещё можешь обращаться к своему непосредственному начальнику просто и непритязательно – «командир». Так, понимаешь, принято в «Азимуте». Но это только когда вокруг свои. А при чужих изволь величать его (когда, естественно, окажетесь за пределами нашей Родины), не иначе, как – «дон Андрес». А он тебя, в свою очередь, будет именовать – «сеньором Микаэлем». Или же – «мистером Вагнером». Впрочем, это уже частности.... Ну, сеньор Микаэль, что сейчас поделяваешь?

– Как вы и велели, Вольф Григорьевич, – зачастил молодой человек. – Посещаю студию пантомимы и цирковой акробатики. Старательно совершенствую свой испанский разговорный. Изучаю историю стран Латинской Америки. И обычную историю. И, так сказать, историю культуры. Кха-кха.... Читаю испано-язычную поэзию и прозу рекомендованных вами авторов: Сиро Алегрии, Хорхе Икасы, Хосе Эустасио. А также знакомлюсь с философскими трудами господина Сартра. Кроме того...

– Стоп-стоп, Микаэль. Какие работы уважаемого Сартра вы уже успели прочесть?

Мессинг и Банкин-младший, зачем-то перейдя на испанский язык, принялись горячо и увлечённо обсуждать запутанные философские проблемы. А Ник, невольно выпавший из беседы, попробовал мысленно подвести некоторые промежуточные итоги: – «Итак, очень похоже, что всё по-настоящему. То бишь, операция «Гвардейская кавалерия», всё же, стартует. Однако.... А я-то, дурачок наивный и недоверчивый, ещё и сомневался, мол, откровенная авантюра. Типа – чистейшей воды. Авантюры же, как известно, зачастую и отменяют. А в данном конкретном случае речь, вообще, шла об одиннадцати с половиной годах – именно столько времени прошло с того самого первого разговора о «Гвардейской кавалерии». Сто раз можно было передумать. И даже двести пятьдесят.... Нет, не отменили. Знать, всё всерьёз. Ладно, принимается – как данность.... Теперь – о младшем лейтенанте Банкине. Сразу видно, что дисциплинирован, сообразителен, отважен и интеллектуально развит. Умеет, всё же, Вольф Григорьевич набирать эффективные и многообещающие кадры. Ничего не скажешь.... Ещё Михаил немного – ростом, чертами лица и статью – похож на брата покойного, только ростом чуть пониже, да в плечах поуже. Бывает.... А ещё на кого он похож? Ну, да. На Эрнесто Че Гевару. По крайней мере, в первом приближении. То бишь, на фотографии и портреты молодого Че, которые мне довелось видеть в двадцать первом веке. Тот же разрез и цвет глаз. Цвет и густота волос. Высокий лоб. Характерный волевой подбородок. Особенности фигуры. Рост. Возраст.... Только грушевидный персидский нос, доставшийся Михаилу в наследство от бабушки (или от прабабушки?), здорово портит общую картину. Хотя.... Хотя, может, оно и к лучшему. Из нетленной серии: – «Каждому овощу – своё время. А пластическая хирургия, как всем хорошо известно, не стоит на месте...». Этические побочные последствия предстоящей операции? Не-не, не стоит сейчас забивать голову всякой ерундой. В том плане, что до финального аккорда – ещё очень и очень далеко. Лет так пятнадцать, плюс-минус годик. Внесём ещё, Вольф Григорьевич, коррективы. Причём, существенные. И, попрошу заметить, в обязательном и непреложном порядке. Непременно и однозначно внесём...».

– Дон Андрес, вы, часом, не заснули? – прозвучал где-то рядом звучный баритон. – Ай-яй-яй. Не ожидал от вас, право слово...

– А? Что случилось?

– Ровным счётом – ничего, – благостно фыркнув, заверил Мессинг. – В глобальном понимании, я имею в виду.... Но негоже, милостивый государь, (специально приучаю вас к прилично-вычурному слогу, так модному в нынешней Аргентине), так расслабляться, теряя контроль над ситуацией. Непростительно, я бы сказал, для такого опытного диверсанта.

– Виноват. Больше такого не повторится. Слово офицера.

– Верю. Охотно верю, Никита Андреевич.... У вас имеются вопросы к..., к уважаемому сеньору Микаэлю?

– Да, всего один.... Геннадий Банкин, мой подчинённый, умел говорить голосами разных известных людей, бесподобно хрюкал, выл по-волчьи и лихо выдавал красивейшие соловьиные трели. А, вот...

– Вы, что же, полковник Иванов, сомневаетесь? – голосом товарища Сталина выдал Михаил. – В состоятельности советских спецслужб? Напрасно, честное слово. Ох, напрасно, кха-кха..., – выждав пару секунд, перешёл на голос товарища Ленина: – Правильной дорогой идёте, товарищи! Надо помочь нашим южноамериканским единомышленникам. Обязательно – надо. Всенепременнейше, я бы, кха-кха, сказал...

– Молодец, Миша, – скупно похвалил Мессинг. – Кстати, что там с твоей астмой?

– Как и было приказано. Кха-кха.... Лечение приостановлено.

– Ладно. Всё, свободен. Иди, занимайся. Дальнейшие инструкции получишь на днях.

– Слушаюсь! – козырнув на прощанье, Банкин чётко развернулся через левое плечо на сто восемьдесят градусов и покинул кабинет.

Чуть слышно стукнула плотно-прикрываемая дверь.

– Решено не придумывать новой модели велосипеда, – устало зевнув, сообщил Мессинг. – Вы, полковник, отправитесь в Буэнос-Айрес под уже привычным для вас именем – Андреса Буэнвентуры, жителя испанской Барселоны. Да, частный бизнесмен, но не только. Ещё и доверенное лицо уважаемого генералиссимуса Франко, коему поручено (то бишь, вам), наладить прочные, полноценные и взаимовыгодные торговые отношения между Испанией и Аргентиной. Вот, кстати, папка с досье на упомянутого генералиссимуса, прочтите. А некоторые вещи советую выучить наизусть, например, полное имя сеньора и основные вехи на его интересном жизненном пути, вдруг, кто поинтересуется.... И вообще, ведите себя в Буэнос-Айресе спокойно и естественно, все верительные бумаги от господина Франко будут самые, что ни на есть, настоящие. Лично получите в Мадриде.... Есть какие-то сомнения?

– Да как-то немного неожиданно, – пожал плечами Ник. – Все же знают, что генерал Франко – тиран и «душитель свободы», откровенно симпатизирующий фашизму.... С чего бы ему – нам помогать?

– Всё очень просто, Никита Андреевич. Если человек – тиран, то это ещё не означает, что он является законченным дураком. И вообще, сугубо между нами, тиран тирану – рознь. Взять, к примеру, того же Муссолини¹: между ним и Франко запросто можно найти очень много похожего. Только, вот, Бенито Муссолини закончил свою жизнь очень-очень плохо. А господин Франко, наоборот, доживёт (в чём я на сто процентов уверен), до глубокой старости, в почёте и неге. И всё потому, что один из них умён и нос держит по ветру, а другой был обыкновенной коричневатой-серой посредственностью: недалёкой, пафосной и самовлюблённой.... Ладно, заканчиваем с глобальной философией. И, соответственно, переходим к деталям предстоящей операции. Подчёркиваю, к средним и мелким деталям первого этапа нашей многослойной и многоуровневой операции.... Вот, например, татуировки на ваших плечах. Одну из них мы, естественно, «сведём». А, вот, вторую не будем. Причём, ни в коем случае...

¹ Бенито Амилькаре Андреа Муссолини – итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии, диктатор, вождь («дуче»), Премьер-министр Италии, Первый маршал Империи. Расстрелян 28-го апреля 1945-го года бойцами Сопротивления на окраине итальянской деревни Меццегра.

Глава вторая

Финская засада

Маршрут (вернее, только его первая часть), был всё тот же, что и в 1940-ом году: перелёт на военно-транспортном самолёте, прыжок с парашютом в районе одинокого финского хутора Халкипудос и переход на вёсельном баркасе до шведских берегов – благо осень и начало зимы выдались на удивление тёплыми, и льды ещё не сковали Ботнический залив.

В салоне самолёта было безумно холодно, даже не смотря на лохматые шапки-ушанки, тёплые свитера верблюжьей шерсти, длинные овчинные полушубки, ватные штаны, толстые вязанные перчатки и унты на собачьем меху.

– Х-холодно-то к-как, – отчаянно клацая зубами, бормотал Михаил. – Бр-р-р-р. Ужас-с-с с-с-самый н-натуральный. Кха-кха. Особенно с моей астмой. И с-спиртного, к-как на з-зло, с с-собой н-не д-дали. Ж-ж-жадины...

Наконец, почти через три часа после взлёта с «вырицкого» аэродрома, усатый пилот с меховым шлемофоном на голове, высунувшись из своей кабины, объявил:

– Светает. Подлетаем к намеченному пункту. Посмотрите-ка, рыцари плаща и кинжала, в правый иллюминатор.... Видите – два светло-оранжевых пятнышка? Это они и есть, костры сигнальные. Как пойду на второй круг, так и сигайте, благословясь. В том смысле, что мысленно распевая Интернационал...

Ник, оттолкнувшись от деревянного настила самолётного салона, без раздумий прыгнул вперёд – в непроглядную и таинственную тьму.

Было ни то, чтобы страшно, но откровенно неуютно: после произошедшего *в далёком* 2007-ом году он ко всем прыжкам с парашютом относился с ярко-выраженным недоверием, словно бы ожидая – на подсознательном уровне – некоего подвоха.... Коварного и неприятного подвоха? Или же, наоборот, светлого и радостного? А Бог его знает, если по-честному...

Но ничего неожиданного и незапланированного не произошло. Абсолютно.

Хладнокровно досчитав до семи, Ник резко дёрнул за маленькое деревянное кольцо.

Лёгкий хлопок, вполне терпимый удар в плечевой пояс, свободное падение прекратилось, он начал медленно и плавно опускаться на финскую землю.

Два жёлто-оранжевых огонька постепенно приближались. Ник, навскидку определив направление и силу дувшего ветра, сильно и настойчиво потянул за левые стропы, внося – тем самым – последние коррективы в маршрут спуска.

Приземлился он в сорока-пятидесяти метрах от сигнальных костров: умело погасил купол, выбрался из лямок, скатал парашютную ткань в большой комок и ловко перевязал его заранее приготовленной верёвкой. А после этого задрал голову вверх и довольно улыбнулся – к земле уверенно приближался ещё один светло-бежевый парашютный купол.

– Молодец, младший лейтенант Банкин, – негромко похвалил Ник. – Так держать, молодец. А меня, тем временем, охватывает приставучее чувство «дежавю»...

Вскоре Михаил успешно приземлился. Ник помог ему разобраться с парашютом. Потом они, никуда не торопясь, перекурили и от души погрелись возле одного из жарких костров.

А дальше началось «повторение» 1940-го года. То бишь, событий, произошедших в этом самом месте почти двенадцать лет тому назад. Бывает...

Из-за молоденьких ёлочек-сосёнок вышла женщина, облачённая в неуклюжий мешковатый малахай и лохматую шапку-ушанку, и объявила приятным низким голосом – на русском языке, с мягким ненавязчивым акцентом:

– Здравствуйте, товарищи. Не будем, пожалуй, тратить время на изысканные взаимные приветствия. Финские метеорологи предупреждают о надвигающейся непогоде. Надо спешить. Следуйте за мной. А парашюты здесь оставьте. Я их потом приберу, когда вернусь...

Женщина, прервав монолог, резко развернулась и упруго зашагала на северо-восток.

Они размеренно шли через ровное поле, на котором лежал двухсантиметровый слой светло-сиреневого снега, изредка обходя кучи и кучки больших и маленьких округлых камней.

Через двадцать с небольшим минут, когда из-за далёкого изломанного горизонта выbralось скупое ярко-розовое зимнее солнышко, впереди замаячили тёмные строения маленького финского хутора: длинный одноэтажный жилой дом с маленькими окошками, просторный хлев, конюшня, несколько амбаров и сараев, маленькая аккуратная банька, треугольник погреба, сруб колодца. Лениво забрехала собака. Почуввав людей, коротко всхрапнула лошадь. Тревожно замычали коровы. В одном из сараев возмущённо загоготали гуси.

«Всё, как и тогда, в 1940-ом», – вспомнил Ник. – «Да и погода похожая – на уровне ноля градусов по Цельсию. А сейчас хозяйка двумя-тремя фразами успокоит разволновавшуюся живность. Ну, и начнёт демонстрировать здешнее знаменитое гостеприимство...».

Так и произошло: женщина что-то гортанно прокричала по-фински, а потом, когда животные уgomонились, пригласила гостей, перейдя на русский язык, пожаловать в дом.

Через тесные сени, стены которых были плотно завешаны самыми различными вещами, корзинками, пучками засушенных трав и берёзовыми банными вениками, они прошли в горницу.

Там всё было по-прежнему: большая просторная комната, скупо заставленная нехитрой и скромной мебелью, по торцам – цветастые ситцевые пологи, отгораживавшие спальные места, в углу – круглая (в сечении), ребристая печь-голландка, от которой во все стороны ощутимо расходилось живительное тепло.

Хозяйка оперативно зажгла допотопную керосиновую лампу, стоявшую на кухонном столе, а после этого, сбросив на пол малахай и ушанку, обернулась.

«Ничего не понимаю», – удивился Ник. – «Это же не Мария Виртанен. А какая-то молоденькая девчушка лет девятнадцати-двадцати от роду: невысокая, стройная, курносая, рыже-волосая, с живыми и быстрыми светло-голубыми глазами. И..., и..., и очень симпатичная. А узкая светло-бежевая юбка и белый облегающий свитер с тёмно-бордовыми ромбическими узорами очень даже выгодно подчёркивают все особенности и достоинства её фигуры. М-да. Есть на что посмотреть, короче говоря...».

Неуверенно откашлявшись, он спросил:

– Извините, но кто вы?

– Ха-ха-ха! – неожиданно развеселилась девушка. – Не узнали меня, дядюшка Андрес? Значит, долго жить буду...

– Анна-Мария? – прозрел Ник. – Неужели?

– Она самая. Называйте меня, пожалуйста, Анной. Так оно проще. И путаницы, что характерно, гораздо меньше.

– Договорились, не вопрос.... А выросла-то как. Похорошела.... Матом, надеюсь, больше не ругаешься?

– Скажете тоже, – засмушалась девушка, отчего её светло-голубые глаза заметно потемнели. – Я же тогда совсем маленькой была и толком не понимала, что говорю...

– Ладно-ладно, верю. Проехали.... А где уважаемые Юха и Мария?

– Папа и мама в отъезде. На полтора месяца, в соответствии с полученным приказом, отбыли по делам заграничным. Я за них. Не волнуйтесь, всё будет хорошо. Справлюсь.

– Не сомневаюсь, Аннушка.

– А я – Михаил, Миша, – встрял в разговор Банкин. – Ой.... Вернее, Микаэль...

– Ха-ха-ха! Уморил.... Начинающий рыцарь плаща и кинжала, как я понимаю?

– Начинаящий, – улыбнувшись, подтвердил Ник. – Вот и путается слегка, бедолага. Бывает...

– Бывает, – согласилась Анна и, став бесконечно-серьёзной, предложила: – Всё, господа шпионы и диверсанты, заканчиваем с шуточками. Сейчас перекусим. А быстро соберу на стол. На раз-два.... И не надо, пожалуйста, спорить. Папа говорит, что перед дальней и трудной дорогой надо – в обязательном порядке – хорошенько «заморить червячка». Мол, лишним никогда не будет. А переплыть на вёслах через широкую морскую губу (тем более, в холодную зимнюю погоду), дело непростое, требующее значительных физических усилий...

Предложенная трапеза была скромной, непритязательной, но сытной и калорийной: варёная картошка в мятом чугушке, толстые ломти варёного и копчёного мяса, форель и голец холодного копчения, ржаные «плетёнки», плоские овсяные лепёшки, жёлтое деревенское масло, а также горячий ароматный чай с малиновым и черносмородиновым вареньем.

Через десять-двенадцать минут Анна объявила:

– Всё, товарищи коммунисты, завершаемся с приёмом пищи. Хорошего – понемногу. Труба зовёт. Поднимаемся и одеваемся.... Стоп-стоп. Ваши унты надо поменять на сапоги из тюленьей шкуры. Море, оно так и норовит – перелиться через борт.... Не бойтесь, не замёрзнете. Сапоги, они очень больших размеров. Я вам ещё по две пары толстых шерстяных носков выдам.... У вас – вязанные перчатки? Ха-ха-ха, насмешили. Ерунда полная и несерьёзная. Сейчас брезентовые рукавицы на собачьем меху презентую. Незаменимая и многократно-проверенная вещь...

Тщательно застегнув пуговицы и старательно затянув шнурки-завязки, они покинули гостеприимный дом семейства Виртанен.

Анна заперла входную дверь на солидный навесной замок.

– А как же ваша живность? – спросил Ник.

– Что с ними станет? – пожала плечами девушка. – С утра все накормлены и напоены. До вечера потерпят. Здесь же недалеко. Три часа туда. Пять – обратно.

– Почему такая разница? – заинтересовался Банкин, явно «запавший» на симпатичную рыженькую барышню. – Кха-кха...

– Это же, Микаэль, так просто. Когда пойдём к шведскому берегу, то на вёслах двое будут сидеть. А в обратную сторону мне одной предстоит грести.... Почему вы подкашливаете? Астма? Надо было раньше сказать, я бы вас мочёной морошкой накормила. Она страсть, как целебна и полезна при всяких лёгочных заболеваниях.... Ах, как приятно и мелодично снежок хрустит под подошвами наших сапог. Заслушаться можно...

Пройдя метров триста пятьдесят по хвойному мелколесью, они поднялись на локальный водораздел, с которого открывался шикарный вид на морское побережье: ленивые серо-свинцовые зимние волны, грязно-жёлтый песок узкой косы, местами покрытый овальными снежными пятнами, чёрно-красные валуны, разбросанные и здесь, и там, несколько неказистых баркасов у старенького заснеженного причала, длинный ветхий сарай под красно-коричневой черепичной крышей.

– Величественная такая картинка, – одобрительно хмыкнул Михаил. – И, одновременно, очень мрачная, суровая и многообещающая. Кха-кха.... Из нетленной серии: – «Суровая и безжалостная зима на подходе. Скоро она вам, ребятки, устроит. Ужо. Три шкуры спустит. Только держись...».

– Стоп, – тревожно вскинув вверх правую руку, велел Ник. – Останавливаемся, соратники.

– Что такое, командир?

– Пока ничего. Пока.... Просто у меня – обострённое чутьё на опасность. Я её, суку злую и грязную, за версту чую. Извините, Аннушка, за грубое выражение...

– Ничего.... Может, дядюшка Андрес, уже перейдём на «ты»? А то смешно как-то получается. Словно мы находимся на официальном приёме у здешнего полицмейстера.

– Перейдём, не вопрос.... Кстати, по поводу «полицмейстера». Полиция Безопасности² Финляндии – организация достаточно серьёзная и жёсткая, с которой шутить не стоит.... Не кажется ли тебе, коллега по благородному ремеслу, что возле этого длинного сарая слишком много свежих следов? И возле причала? И на местах заснеженной косе? И, главное, кто же их натоптал?

– Не знаю, – неуверенно шмыгнув курносый носом, призналась девушка. – Я к баркасам подходила только позавчера, ещё до снегопада.... Думаете, что...

– Думаешь.

– Ах, да. Извини.... Думаешь, что здесь активно шастают агенты финской Полиции Безопасности?

Со стороны хутора раздался злобный собачий лай, ещё через пару секунд тревожно заржала лошадь.

– Нет, пожалуй, уже не шастают, – нахмурился Ник. – Нас, в гости по утрам не ходи, постепенно и целенаправленно обкладывают. Как лесных волков – красными флажками. Резидентура, похоже, провалена. А у причала, наверняка, обустроена засада. В том смысле, что в сарае расположились вооружённые оперативники, которые должны – по замыслу их руководства – нас арестовать.

– Я им арестую. Кишка тонка. Кха-кха.... Кровью, гады, умоются, – достав из внутреннего кармана полущубка браунинг бельгийской сборки, пообещал Банкин.

– Отставить, младший лейтенант. Убрать пистолет обратно и забыть о его существовании. Нам сейчас нельзя шуметь, на звуки выстрелов может сбежаться целая куча финского служивого люда. Причём, решительного и вооружённого до самых коренных зубов.

– Ик, – растерянно икнула Анна. – И что мы теперь будем делать? А? Ик-к-к...

– Надо срочно уходить. Из страны, я имею в виду. И нам, и тебе.

– Как – мне уходить?

– Вместе с нами. Морем, естественно.

– Я не об этом.... А как быть с хутором? С собакой и котом? С коровами? С лошадкой? С курицами и гусями?

– Прости, но это издержки нашей многотрудной профессии, – извиняюще передёрнул плечами Ник. – Будь она неладна.... Разведчики и диверсанты постоянно вынуждены чем-то и кем-то жертвовать. Постоянно и безвозвратно. Диалектика в действии.... Значится так, мои юные друзья. Разыграем, пожалуй, следующую рабочую схему. Ты, Анна-Мария Виртанен, задержанная советская шпионка. А мы с Микаэлем – доблестные агенты британской МИ-6³.... Расклад, надеюсь, ясен?

– Причём здесь – СИС? Ничего не понимаю, – удивился Банкин. – А, командир?

– Всё очень просто, любопытный сеньор Вагнер. Именно британская Secret Intelligence Service и «ставила» в двадцатых годах прошлого века работу финской Полиции Безопасности. «Ставила», направляла и, понятное дело, старательно курировала. Поэтому все местные службисты уважают и откровенно побаиваются – до дрожи в коленях – своих авторитетных британских коллег.... Ещё одно, Мишаня. Твой клиент... э-э-э, пусть будет крайний справа. Причём, сколько бы их там не было. Только на нём сосредоточься. Понял?

– Так точно.

² Полиция Безопасности – спецслужба Финляндии, создана в 1919-ом году. Её главная цель заключается в защите парламентской демократии от внешних и внутренних врагов. Задачи: контрразведка, антитеррористическая деятельность, защита охранной деятельности, участие в противодействии международному криминалу.

³ СИС – Secret Intelligence Service (МИ-6) – служба внешней разведки Великобритании.

– Вот и молодец. Вырубишь его. Или же зарежешь. На твоё усмотрение.... Нож-то есть при себе?

– И-имеется. Кха-кха.... К-командир, а ты уверен? Ну, в правильности такого...э-э-э, кардинального решения?

– Я всегда уверен, – подбадривающе подмигнул Ник. – В том плане, что когда нахожусь на тропе войны. То бишь, на боевом и ответственном задании.... Шагаем, коллеги. Я – солирую. Вы – старательно подыгрываете и импровизируете. Но, пожалуйста, сугубо в меру и без пошлого перебора.... Кстати, а что хранится в данном строении?

– Вёсла от баркасов, запасные мачты, паруса, якоря, всякие и разные верёвки-канаты, – пояснила Анна. – А ещё различные рыбацкие снасти и причиндалы: мерёжи, сети, удочки, бочки для засолки рыбы, сама соль в холщовых мешках. Ну, и всякий никому ненужный бытовой хлам, накопленный за долгие-долгие годы.

– Понятное дело. За мной. В том плане, что за будущей громкой славой и разлапистыми орденами...

Они остановились возле правого торца сарая, в четырёх-пяти метрах от входной двери, и Ник тут же принялся беззастенчиво лицедействовать, заявив на чистейшем и классическом английском языке:

– Ваша дальнейшая Судьба, милейшая мисс Виртанен, зависит сугубо от вашего благо-разумия. А также и от искренности, конечно.... Понимаете меня?

– Стараюсь, сэр, – прошелестела испуганным голосом Анна. – Вы, надеюсь, не обманываете бедную провинциальную девушку? Меня же не расстреляют?

– Не сомневайтесь, задержанная. Но, естественно, только в случае вашей полной правдивости. Мы же с напарником, со своей стороны, будем обязательно ходатайствовать перед высоким руководством о разумном снисхождении.... Не так ли, мистер Ватсон?

– О, да, многоуважаемый сэр Томас, – подтвердил – голосом Уинстона Черчилля – Банкин. – Всенепременно будем. Грехи, как утверждает Библия, можно смыть не только кровью. Но, так сказать, и слезами искреннего раскаяния. Да и понятия – «королевское помилование» никто не отменял. Я же, естественно, буду непременно настаивать на толике милосердия.... Чу, какой-то шорох? Показалось, наверное....

– Показалось, так показалось, – легкомысленно хмыкнул Ник. – Итак, милая мисс Виртанен, где находится рация? Ну, та, по которой ваши беспутные родители регулярно выходили на связь с московскими и ленинградскими чекистами?

– Вот, в этом сарае, – сдавленно всхлипнув, сообщила девушка. – Под брезентовыми мешками со старыми рыбацкими сетями. Только секретного кода для выхода в эфир я, к сожалению, не знаю.

– Сейчас проверим...

В сарае что-то зашуршало.

– Что это такое? – насторожился Михаил. – Там кто-то есть?

– Я не знаю, – извинительно забормотала Анна. – Честное слово. Поверьте, джентльмены.... Может, это мыши?

– Мыши мышам рознь, – многозначительно покачал головой Ник. – А в данном сарае, скорее всего, сейчас находятся доблестные сотрудники финской Полиции Безопасности. Руководители этого славного ведомства, отнюдь, не дураки и зарубежных «мышей», слава Богу, ловить ещё не разучились, – он назвал несколько звучных финских фамилий. – Эти уважаемые господа всегда стремятся идти в ногу с нашей Secret Intelligence Service.... Эй, коллеги, вылезайте! Покажитесь на свет Божий. Предлагаю – позабыть на время о нездоровой межведомственной конкуренции и работать вместе. Так сказать, рука об руку, руководствуясь лишь конечной эффективностью...

Банкин – для пущего эффекта – бросил несколько трескучих фраз на финском языке. Голосом маршала Маннергейма⁴, естественно.

Послышался длинный и противный скрип, дверь слегка приоткрылась, и из сарая вышли двое мужчин – среднего возраста и роста, облачённые в неприметные зимние одежды сельского типа, с пистолетами в руках.

– А как же быть с хвалёным финским гостеприимством? – возмутился Ник. – Врут всё туристические буклеты? Это я, многоуважаемые господа, про ваше оружие.... Спрятали бы вы его, что ли, а? Хотя бы из правил элементарной вежливости? Заранее спасибо, коллеги. Взаимное уважение и доверие – залогов успехов совместных.... А теперь, давайте-ка, отойдём в сторонку. Пошепчемся немного о текущей ситуации.... Арестованная барышня Анна-Мария Виртанен? А куда она, голубушка рыжеволосая, денется от нас? Догоним, ежели что.... Шагайте за мной и Ватсоном. Шагайте...

Представители финской спецслужбы, непонимающе переглянувшись, послушно записали пистолеты в карманы своих крестьянских зипунов и – вслед за «английскими коллегами» – отошли от сарая метров на пятнадцать-двадцать.

– Поговорим? – остановившись и развернувшись на сто восемьдесят градусов, предложил Ник.

– С кем имею честь? – неуверенно проведя по лицу ладонью, поинтересовался на сносном английском языке один из финнов.

– Томас Бридж, – непринуждённо отрекомендовался Ник. – Возглавляю «восьмой» отдел Secret Intelligence Service.

– Наслышан о вас, сэр. Искренне рад нашему знакомству.... Но нельзя ли, как и предписывают служебные инструкции, ознакомиться с вашим служебным удостоверением?

– Конечно же, можно. Не вопрос...

Удар, удар, удар. Тело «топтуна» безвольно опустилось на первый зимний снежок. Через пару секунд рядом с ним разместился, благодаря отточенным боевым навыкам младшего лейтенанта Банкина, и второй избыточно-доверчивый финский гражданин, пребывающий в бессознательном состоянии.

– Отнесём голубков в сарай и свяжем? – предложил Михаил. – Например, старыми рыбацкими сетями?

– Всё верно понимаешь, сеньор Вагнер...

Неожиданно со стороны сарая долетел чей-то приглушённый болезненный вскрик.

Ник, мгновенно выхватив из кармана полушубка браунинг, резко развернулся, а оценив ситуацию, облегчённо выдохнул: третий финский агент – в метре от входной двери сарая – медленно оседал на землю, а из его груди (в области сердца), торчала чёрная рукоятка ножа.

– Нельзя так пошло и бездарно прокалываться, господа опытные «энкавэдэшники», – невозмутимо улыбнувшись, прокомментировала Анна. – Внимательней надо быть. И, понятное дело, бдительно страховать каждый свой шаг. Как профильные инструкции по диверсионной деятельности и предписывают. Хорошо ещё, что папа меня обучил – в своё время – ножи метать.

– Сильна, бикса рыженькая, – едва слышно пробормотал Банкин. – И симпатична – до полной и нескончаемой невозможности. Кха-кха.... Я, кажется, уже влюбился. Причём, до полной потери пульса...

«И я тоже», – мысленно (и грустно), усмехнулся Ник. – «Влюбился. Как последний соплиивый мальчишка...».

⁴ Карл Густав Эмиль Маннергейм – барон, финский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант русской армии, генерал от кавалерии Финляндской армии, фельдмаршал и маршал Финляндии, регент Королевства Финляндия, президент Финляндии.

Поместив финские тела (одно мёртвое и два связанных), в сарай, они отомкнули навесной замок на толстой железной цепи, разместились в баркасе, вставили вёсла в уключины и, не ведая сомнений, стартовали к спасительным шведским берегам.

Вернее, это Ник оттолкнул старенький рыбацкий баркас от финского берега, ловко – с кормы – забрался в лодку и занял место на руле. Так Анна попросила, мол: – «Замёрзла я слегка, ветер нынче холодный. Даже знобит слегка. Сяду, пожалуй, на правое весло и немного согреюсь. Хотя бы минут на тридцать-сорок...».

Баркас, не без труда преодолевая маленькие встречные волны, отчалил. Бодро и оптимистично заскрипели тяжёлые вёсла, слаженно ворочаясь в ржавых уключинах.

«Как-то всё не так», – машинально шевеля туда-сюда рукоять руля, подумал Ник. – «В том смысле, что гребцы... Что – гребцы? Да сидят они больно уж плотно, прижимаясь бёдрами... А ещё переглядываются с взаимным интересом-пиететом. И... И довольно улыбаются... Чёрт знает, что такое. Так и хочется этому Банкину-младшему – шею свернуть. Да и этой вертихвостке рыжей. Мать его насовсем...».

Уже за полдень баркас успешно ткнулся носом в пологую песчаную косу, полностью свободную от снежного покрова.

В смешанном редколесье, огораживавшем побережье от остальной Швеции, гостеприимно потрескивал жаркий костерок.

– Доброго вам здоровья, странники, – поприветствовал вновь прибывших старина-Генрих, встречавший Ника и тогда – в 1940-ом году. – Проходите к костру. Грейтесь. А я помогу фрекен Виртанен развернуть и отпихнуть баркас обратно... Не надо – обратно? Почему?

Ник кратко и доходчиво объяснил – почему, что и как.

– Плохо это, когда старинная и крепкая резидентура проваливается, – подытожил разумный Генрих. – Очень плохо. Начальство, расстроившись, наверняка, уменьшит денежное содержание. А ещё заставит целую кучу объяснительных бумажек написать-сочинить. Естественно, в новой «кодировочной» системе. Да и побережью придётся дополнительно. В том плане, что коварные шведские спецслужбы очень плотно общаются с финскими. Так издавна повелось... И что теперь прикажете делать с этой юной фрекен? Её уважаемым родителям, которые сейчас находятся в США, я, конечно же, сообщу о возникшем досадном казусе. Как и полагается в таких «пиковых» раскладах. Мол, путь в Финляндию им заказан, и необходимо срочно перейти на запасной вариант... Но что делать с их симпатичной и шустрой дочуркой? А? Я вас спрашиваю. Молчите? Ну-ну... Надеюсь, жениха в Суоми не осталось? Или же дружка сердечного?

– Не осталось. Бог миловал... И вообще, я хотела бы проследовать дальше с этими доблестными кабальерос, – грея озябшие ладошки над пламенем костра, заявила Анна. – Всё равно – куда...

– Ничего не получится, милочка. Увы. На дона Андреса и сеньора Вагнера уже выправлены испанские паспорта со всеми запрошенными визами. Самолётные билеты до Мадрида – на завтрашнее утро – приобретены. Да и баулы-чемоданы со всем необходимым для дальнего путешествия собраны. Вам же, милая фрекен, странствовать под «своей личиной» не стоит. В том плане, что – сто процентов из ста – уже находитесь в международном розыске. Вмиг арестуют и повяжут. Даже пикнуть не успеете.

– Что же мне делать?

– А ничего особенного. Терпеливо ждать, и не более того. Пристрою вас на время, предварительно наложив лёгкий театральный грим, в одной тихой и малонаселённой шведской деревушке. Потом выйду на связь с Москвой и доложусь. Пусть высокое руководство определяется с вашей дальнейшей Судьбой: дельную «легенду» разрабатывает, назначает новое место

службы, даёт ценные указания по паспорту и всем прочим необходимым документам. Ничего хитрого, между нами, шпионами и шпионками, говоря.... Сколько времени – на всё про всё – может уйти? Например, пару-тройку недель. Или же, наоборот, несколько месяцев. По-всякому бывает. Никогда не угадаешь, сколько ни старайся...

В шумном и на удивление пёстром мадридском аэропорту их встретила неприметная машина с неприметным же шофёром. Встретила и отвезла к правительственной Канцелярии, где Нику было вручено развёрнутое рекомендательное письмо за подписью самого генералиссимуса Франко. А также пухлый бумажник с различной валютой.

Потом «испанские торговые представители», сменив несколько самолётов и затратив почти двое суток, долетели до бразильского городка Порту-Алегри и, поймав первое попавшееся такси, доехали до местного торгового порта.

Доехали, рассчитались с таксистом и, покинув машину, дальше отправились уже пешком.

– Ничего не понимаю, – устало ворчал Банкин. – Ничего и даже меньше. Кха-кха.... Чемоданы тяжеленные. Пирс длиннющий и безлюдный. Жара наяривает во всю Ивановскую. Уже весь пропотел, впору рубашку менять. Лето у них здесь, понимаешь. Мол, Южное полушарие, так его и растак.... Почему было сразу не долететь до Буэнос-Айреса? А, командир? К чему эти долбанные сложности?

– «Бэ» – тоже витамины, – вяло откликнулся Ник. – Здесь нас с тобой, братец, дожидается аргентинский резидент. То бишь, резидент советской внешней разведки в Аргентине. Сядем на его яхту и пойдём (как принято выражаться в среде настоящих мореманов), до Буэнос-Айреса. А за время этого плаванья товарищ резидент проведёт подробный и расширенный инструктаж. Мол, как, что, зачем и почему. Дабы мы с тобой – во время странствий по благословенной Аргентине – не попали бы впросак...

Он резко остановился.

– Что такое? – насторожился Михаил.

– Яхта...

– Ну, яхта. Симпатичная, конечно, надо признать. Длинная, метров шестнадцать-семнадцать. Узкая, низко-посаженная и безупречно-пропорциональная. Кха-кха.... Эстетичная штучка, спора нет.

– Это, друг мой Мишка, не просто – «яхта», – пояснил Ник. – А легендарная «Кошка».

– Иди ты! – восхитился Банкин. – Столько героических историй и цветастых баек слышал про эту славную посудину, и не сосчитать.... А вон тот длинноволосый сутулый тип в чёрных очках, жадно поедающий кашу прямо из большой кастрюли, получается, знаменитый капитан Куликов по прозвищу – «Одноухий»?

– Он самый. Шагаем...

– Привет, Серж, – подойдя к яхте, непринуждённо поздоровался Ник.

– О, мазуты береговые пожаловали, – обрадовался Куликов. – Молодцы, прямо к завтраку прибыли. Одобряю. Сейчас ложками обеспечу. А тарелок, извините, нет. Все перебились во время последнего весеннего шторма. А новые купить – недосуг.

– Значит, ты и есть – аргентинский резидент?

– Ага, только, так сказать, насквозь второстепенный. За главного у нас – Саня Крестовский. Он всеми делами шпионскими и заправляет. Вместе с женой Марией, понятное дело. А я – сугубо на подхвате. Подай-принеси, отвези-привези. Уже полтора года прохлаждаюсь в Аргентине. Скука смертная, честно говоря. Ни перестрелок тебе, ни погонь. Тьфу, да и только.... Ну, проходите на борт, мазуты. Проходите, не стесняйтесь. Сейчас перекусим, пару-тройку бутылочек винца разопьём, типа – за встречу. Серж Куэльо (это моё здешнее имечко), на весь Буэнос-Айрес славится своим гостеприимством.... А после этого, благословясь, отчалим. Благо, погода способствует. За трое суток, тьфу-тьфу-тьфу, конечно, дочапаем...

Глава третья

Первая встреча

«Кошка», плавно меняя курс, начала постепенно приближаться к далёкой береговой линии. Вернее, к некоему широкому проливу (как решил Ник), расположенному между двумя низкими берегами.

Узкие светло-серые волны (с лёгким серебристым отливом), лениво и величественно разбегались – за кормой яхты – к незнакомым берегам, едва различимым в белёсой туманной дымке.

– Действительно, серебром отливает, – задумчиво вглядываясь в морскую даль, сообщил Банкин. – Тусклым-тусклым таким. Явно старинным. Кха-кха.... Или же оловом? Как в том знаменитом стихотворении, мол: – «Ураган остался за кормой. И молчит. Море – словно прозрачное олово. Без обид...». А, кэп?

– Совершенно ничего, на мой частный вкус, необычного, – небрежно поправляя на длинном носу очки с затемнёнными стёклами, ухмыльнулся капитан Куликов. – Перед нами, господа патентованные шпионы, простирается – прямо по курсу – водная гладь, именуемая – «Рио де ла Плата». То бишь, в переводе с испанского языка, «Серебряная река», имеющая самую широкую в Мире дельту. Прошу, что называется, любить и жаловать...

«Да, изменился наш бравый шкипер за прошедшие годы», – машинально отметил Ник. – «Поседел весь – окончательно и бесповоротно. И разговаривать стал совсем по-другому – более вдумчиво и, так сказать, культурно. Никаких тебе «солёных» боцманских тирад. А ещё стал однозначно-скрытным: за время нашего совместного трёхдневного плавания так и не обмолвился ни единым словечком о том, чем занимался во время Второй мировой. Бывает, конечно.... Да и яхте его, безусловно, досталось: борта все облезлые, лет десять-одиннадцать уже некрашенные, щедро покрытые многочисленными неаккуратными заплатами и уродливыми вмятинами. Следы от пуль и осколков, надо думать.... И кот по палубе бродит совсем другой. Вернее, чёрно-белая кошка по кличке – «Маркиза». Видимо, буро-пегого Кукуся – по старости лет – пришлось списать на берег. Да, жизнь наша, жестянка неблагоприятная...».

– Сергей Анатольевич, а ты про Айну и Сизого ничего не слышал? – спросил Ник. – Говорят, что они отчалили в Гватемалу?

– Отчалили. Ещё в самом начале 1941-года, – подтвердил Куликов. – Их мой коллега-Галкин туда доставил. Вместе с близняшками Афанасием и Мартой.

– А что с Айной? Поправились?

– Наверное. Сердцеед Галкин, по крайней мере, мне про её неземную красоту – при встрече – все уши прожужжал. В 1942-ом году, в одном из баров Гаваны.

– Кэп, вы же должны нас с командиром проинструктировать, – напомнил дотошный Михаил. – Мол, как и что, кха-кха, в этой беспокойной Аргентине. Чего надо опасаться. И как себя правильно вести на городских улицах.

– Проинструктирую, мазуты береговые. Не вопрос, – лениво зевнув, пообещал Куликов. – Но не здесь же, в конце-то концов? На самом солнцепёке? Да и кофейку было бы неплохо выпить. За мной. Только сперва руль заклиню...

Они, покинув капитанский мостик, спустились по узкому трапу в кают-компанию (она же – личная спальня капитана «Кошки»).

Капитан, затратив порядка двадцати пяти минут, заварил кофе по старинному арабскому рецепту: в пузатой медной турке, помещённой в раскалённый мелкозернистый песок, нагретый на крохотной спиртовке.

Заварил, разлил по высоким фарфоровым чашечкам, а после этого поинтересовался:

– Никитон, тебе в кофе спиртику накапать? У меня, видишь ли, привычка такая...

– Капни. Лишним не будет.

– А юноше? Или же обойдётся? Мол, молод ещё?

– Дык, как же это? – возмутился Банкин. – Как финских полицейских мочить, так взрослый? Кха-кха.... А чуток алкоголя хлебнуть – годами не вышел? Дискриминация чистой воды. Откровенный произвол и гадкая «дедовщина». Я товарищу Мессингу обязательно нажалуюсь.

– Накапай, Серж, и ему, – благостно махнул рукой Ник. – Я сегодня добрый.... Ну, за нашу, кэп, неожиданную и судьбоносную встречу. Дай Бог, не последнюю, понятное дело....

Они, закусывая хрустящим овсяным печеньем, выпили по одной чашечке «алкогольного» кофе, по второй, по третьей.

После этого Куликов раскурил свою знаменитую чёрную трубку и, умело пуская к потолку кают-компания идеально-круглые кольца ароматного сизого дыма, прочитал маленькую просветительскую лекцию:

– Чтобы чувствовать себя в незнакомой стране безопасно и комфортно, надо попытаться – как можно быстрее – «понять» её. То бишь, пропитаться, если так можно выразиться, её «духом».... Итак, в пошлой обывательской среде принято считать, что у Аргентины – пять знаковых символов: танго, мате, гаучо, великая Эвита Перрон и пампа. Спорное утверждение, честно говоря. Весьма и весьма спорное. Впрочем, начну по порядку.... Танго. Так себе танец, на мой частный и прямолинейный вкус. Танцуешь и ощущаешь при этом всё трепетное женское тело: колени, бёдра, грудь. Надо бы её, голубушку разгорячённую, (то бишь, партнёршу по танцу), тут же умыкнуть в укромное местечко и – по полной и расширенной программе. Ну, вы меня, конечно, понимаете.... Ан, нет. Нельзя. Танцуй, бродяга неприкаянный, дальше. Зрители, мать их растак, ещё пьются. А у меня мужской орган, как назло, возбудился и, того и гляди, выпрыгнет из штанов. Тьфу, да и только. Маята одна и неудобство сплошное. Нет, братья и сёстры, танцуйте ваше хвалёное танго без меня.... И, вообще. Изначально танго, чтобы вы знали, являлся сугубо «мужским» танцем. Какие ещё шуточки? Чистую правду глаголю.... Дело было так. В конце девятнадцатого века десятки тысяч европейских эмигрантов прибывали в Буэнос-Айрес в поисках удачи, богатства, славы и счастья. Одиноким мужчины скучали по оставленным дома женщинам и, желая утешиться, проводили долгие вечера в здешних публичных домах. Ожидая своей очереди, (а с проститутками, как это и ни странно, наблюдался определённый дефицит), они танцевали друг с другом своеобразный медленный танец, полный страсти и желания, танец, напоминавший состязание за обладание женщиной. Ну, как аналогичные танцы у некоторых птиц, животных и насекомых. Глухари там всякие, тетерева, благородные олени, некоторые виды бабочек. Это уже позднее танго стали исполнять в сопровождении тягучих испанских и итальянских мелодий, смешанных с африканскими ритмами «кандомбе».... Постепенно танго начали танцевать с женщинами, и танец тут же стал более сексуально-демонстративным и менее меланхоличным. Затем появились песни «танго», повествующие о глубоких и печальных чувствах: о тоске по Родине и любимым, о сердечных страданиях, о жуткой ревности и о предательствах вероломных женщин. Так что, не всё так гладко с этим самым танго. Вернее, с его «родословной». Плебейством голимым, на мой частный и капризный вкус, так и отдаёт.... Мате. Ещё одна классическая и глупая «запутка». Аргентинцы утверждают, что мате, мол, объединяет семью. Когда готовят мате, то все бросают свои дела, и семья – в полном составе – спешит к обеденному столу. Пью мате через специальные сосательные трубочки из маленьких полых тыквочек – и фанатеют. То бишь, балдеют и ловят кайф. Пьют и ловят. Пьют и ловят.... С чего, спрашивается? Ну, попробовал я пару-тройку раз этот без всякой меры разрекламированный мате – совершенно ничего особенного. Как говорится, ни в голове, ни в попе. А на вкус – обыкновенный второсортный зелёный чай. Мне в Китае и не

такой доводилось пробовать. В том плане, что на порядок ароматнее и с гораздо более приятным послевкусием. ... Гаучо. Это, вообще, какая-то откровенная насмешка природы. Да, когда-то давно гаучо, действительно, были. ...э-э-э, весьма достойными парнями. Только очень-очень давно. Из серии: – «Преданья старины глубокой. ...». Дело было так. Несколько веков тому назад в вольную аргентинскую пампу пришли жестокосердные и суровые испанцы. ... Зачем, интересуетесь, они пришли? Естественно, в поисках золота и серебра. Значит, пришли и достаточно быстро уничтожили всех местных индейцев – и кечуа, и керанди. Ещё, для полного комплекта, перестреляли всех гуанако и страусов-нанду. А после этого завезли из Европы и выпустили в пампу всякий домашний скот. Но золота и серебра в Аргентине оказалось до обидного мало. И тогда разочарованные испанцы принялись – в массовом порядке – переселяться в Парагвай, Перу и Эквадор, где благородных металлов было не в пример больше. Часть лошадей, баранов, быков и коров они забрали с собой. А всех остальных бросили – на произвол Судьбы. Одиравший рогатый скот и лошади очень быстро размножились и чувствовали себя в пампе просто превосходно. Для всяких парнокопытных здесь – идеальная среда и климат, так сказать. ... И тогда в пампу пришли бродяги – самых разных национальностей, бедные, как худые церковные крысы. Чтобы не умереть от голода, они отлавливали этих диких лошадей, буйволов, баранов и коров, а потом загоняли их на наспех огороженные территории. Так в Аргентине появились гасиенды и гаучо – вольная и свободолюбивая разновидность людей, не признающая общепринятые нормы, правила и устои. Мораль у гаучо проста и неприязнительна: – «Мы были никому не нужны. Когда наши детишки пухли от голода, то нам никто не помог, все презрительно отвернулись. Мы всего добились сами, собственными руками, безо всякой помощи со стороны. Поэтому теперь мы ничего и никому не должны. Никому. И ничего. Пошли вы все в грязную и широкую задницу – с вашими законами, конституциями и прочим навороченным уродством. Мы живём, как хотим, и никто не имеет права – вмешиваться в нашу жизнь. ...». Так оно всё и было. Не спорю. Только, извините, в далёком-далёком Прошлом. То есть, очень много лет тому назад. Но с тех пор, увы, много воды утекло по извилистым руслам аргентинских рек и речушек. Очень много. ... Сегодня почти вся плодородная земля в Аргентине поделена (не без помощи армейских и полицейских структур), между крупными латифундистами. Так что, гаучо нынче не разгуляться. Практически нигде. ... Есть, конечно, в аргентинской пампе несколько крупных стационарных лагерей, где до сих пор обитают эти вольные пастухи. Только всё это носит, так сказать, откровенно-декоративный характер. То бишь, сегодняшние гаучо являются, если смотреть горькой правде в глаза, низкопробными клоунами, развлекающими, в основном, богатых американских туристов. Ещё они изредка подрабатывают в массовках – на съёмках низкопробных голливудских вестернов. Жалка и печальна их Участь, короче говоря. ... А, вот, Эвита Перрон и аргентинская пампа – это да. В том философском смысле, что весьма достойные символы. Весьма, весьма и весьма. ... Эвита. Её огромные портреты сейчас красуются буквально-таки по всей стране – и в больших городах, и в крошечных провинциальных деревушках: в квартирах и гостиничных номерах, на стенах домов и на автобусах-троллейбусах, в правительственных учреждениях и на многочисленных прямоугольных щитах, установленных вдоль асфальтовых и просёлочных дорог. А ещё на сотнях тысяч мужских и женских тел – в виде тёмно-синих и изумрудно-зелёных татуировок. ... Любимая фраза Эвы: – «Управлять страной – всё равно, что снимать фильм о Любви, где в главных ролях заняты один мужчина и одна женщина. Все остальные – лишь статисты. ...». Она родилась в бедной семье и с самого раннего детства мечтала о карьере актрисы. Ей удалось вскружить голову бедняге-Перрону, а потом наша Эвита вознеслась к вершинам Власти. Она регулярно (даже сейчас, будучи смертельно-больной), раздаёт беднякам деньги и вещи. Промышленно-финансовые олигархи, латифундисты и буржуазия ненавидят её – до острых желудочных колик. А Эвита все делала и делает им назло. Ненависть к ней со стороны высокомерной аргентинской аристократии, воистину, безмерна. Как же, Золушка-замарашка, неожиданно взлетевшая на

самый Верх.... Я лично видел Эвиту Перрон с год назад – в столичном парке Ретиро, ещё до её болезни. Очень милая, симпатичная, скромная и душевная женщина. Натуральная «Мадонна во плоти». Вот.... Вернее, к моему огромному сожалению, была. Сейчас Эва умирает от рака желудка. Мучительно умирает. Говорят, что ей осталось жить – максимум полгода. А страну – по этому поводу – постепенно охватывает массовый психоз. Недавно на стене дома, что стоит напротив Президентского дворца, кто-то из хулиганствующих богатеев начертал: – «Да здравствует рак!». Бедняки же, наоборот, без устали молятся (и поодиночке, и многотысячными толпами), о выздоровлении своей Небесной принцессы. Практически по всей стране воздвигаются высокие алтари, на которых непрерывно горят восковые свечи и стоят портреты Эвиты. Люди сутками простаивают перед ними на коленях, горячо молясь о чудесном спасении Эвы. А с наступлением вечерних сумерек портреты «Аргентинской Золушки» выносят из домов на свежий воздух, чтобы «она могла подышать» живительной прохладой, и тогда – то в одной, то в другой деревушке – жители видят вокруг ее головы сияющий нимб.... Говорят, что сейчас Эва весит всего тридцать три килограмма, но от неё – по личному распоряжению Хуана Перрона – скрывают, что болезнь неизлечима. Чтобы она не замечала ужасной потери веса, весы, которыми она регулярно пользуется, тайно переделаны так, что всегда показывают один и тот же вес, близкий к нормальному. Радиоприемники в Президентском дворце отключены. По всей стране жители знают о болезни Эвиты больше, чем она сама.... Знают и переживают. Да я и сам (чего, собственно, скрывать?), весь распереживался и извёлся. Даже душещипательный стишок сочинил по этому печальному и скорбному поводу. Слушайте, мазуты береговые...

На этом Свете – живёт только одна женщина.
Её зову – Эвита Перрон.
Больше на Свете женщин не было.
Вагон,
Отцепленный – когда-то, где-то,
Свалившийся случайно в пропасть...
Если бы в этом вагоне были аргентинцы,
То они – перед смертью – дружно выдохнули бы:
– Эвита...
Этого не понять – никогда – иностранцам.
Как эта хрупкая и нежная женщина
Может быть Символов, Именем, Святой – целой Страны?
Эвита...

Могла, и была, и есть! Мои братья и сёстры!
Аргентина – без ума от этой женщины...

Эвита Перрон: всегда и везде – моё восхищение...

– Извините покорно, – Сергей Анатольевич так растрогался и разволновался, что был вынужден достать из нагрудного кармана клетчатой «ковбойки» полосатый носовой платок и аккуратно промокнуть им глаза. – Великолепная женщина. Потрясающая и бесподобная.... Что там у нас ещё осталось?

– Пампа, сеньор капитан, – подсказал вежливый Банкин.

– Ах, да. Конечно.... Но не буду, пожалуй, ничего об этом рассказывать. Скоро сами всё увидите – собственными глазами. Пампа – моя «большая аргентинская Любовь». После Эвиты Перрон, понятное дело.... А теперь, уважаемые товарищи разведчики, поговорим о безопасности. Нынешняя Аргентина – ужасно и бесконечно политизированная страна. Так,

вот, исторически сложилось. В одних здешних населённых пунктах преобладают коммунисты, троцкисты и социалисты. В других, наоборот, хустисиалисты и перронисты. В третьих – правые ультра и наци. В четвёртых – военизированные католики. Ну, и так далее. По длинному и расширенному списку. Чёрт знает, что такое, короче говоря.... Причём, у каждой аргентинской политической группировки имеются собственные знаки различия, лозунги, партийные «кричалки» и даже своеобразные пароли из серии: – «Свой – чужой». И в этом, надо заметить, заключается серьёзная опасность. Можно, случайно ляпнув на городской улице что-то «не то», нарваться на печальные и фатальные неприятности.... Например, вам навстречу идёт компания правых ультра. И, вдруг, они почему-то решают, что вы имеете прямое отношение к идейным социалистам. Всё, серьёзная драка (как минимум), обеспечена.... Впрочем, то же самое непременно произойдёт, если мнительные троцкисты заподозрят, что вы являетесь сторонниками военизированных католиков. Бардак полный и бесконечный. В том плане, что опасных вариантов-сочетаний насчитывается достаточно много, так как в нынешней Аргентине зарегистрировано – только в официальном порядке – более шестидесяти пяти политических партий и общественных движений, враждующих, как правило, друг с другом.... Рассмотрим каждую политическую группировку (из крупных), в отдельности. Сразу предупреждаю, что дело это долгое, и растянется часа на полтора. Поэтому предлагаю – чисто для пущей эффективности процесса – вскрыть бутылочку с выдержанным ямайским ромом....

Наступил тихий летний вечер. Янтарно-жёлтое предзакатное солнце равнодушно висело над горбатыми портовыми кранами. Было безветренно и душно.

«Кошка», уверенно лавируя между самыми разнообразными судами и судёнышками, постепенно приближалась к нужному бетонному молу. С противоположной стороны над широкой бухтой величественно нависали узнаваемые силуэты небоскрёбов, знакомые Нику по красочным туристическим буклетам.

Яхта – красиво и уверенно – пришвартовалась у причала за номером «одиннадцать».

А ещё через двадцать пять минут они, успешно покончив со всеми погранично-таможенными формальностями, покинули территорию морского порта.

– Как-то всё быстро получилось-сладилось, – мрачно крутя-вертя баранку старенького светло-серого «Линкольна», ворчал Куликов. – Непривычно быстро. Это я про местных пограничников и таможенников. Обычно они гораздо более придирчивы. Подозрительно, однако. Надо будет Кресту доложить.... Что вы говорите? Мол, сработало рекомендательное письмо от испанского генералиссимуса Франко? Самое настоящее и подлинное письмо? Это, конечно, меняет дело. Отлично придумано, спора нет. Молодцы. Одобряю.... Ну, мазуты сообразительные, рассказать вам про Буэнос-Айрес? В качестве первой обзорной экскурсии?

– Поведай, конечно. Не вопрос, – согласился Ник. – Будем, что называется, признательны....

И Сергей Анатольевич рассказал – доходчиво и подробно, за час с четвертью – про аргентинскую столицу. Про улицы, проспекты и бульвары. Про происхождения их названий и наиболее знаковые здания. Про городские театры, музеи, парки и самые известные рестораны. Про памятники всяким Героям и график работы общественного транспорта. Про аргентинский футбол и ставки на профильные услуги местных «жриц Любви». Про здешние изысканные вина и ближайшие католические праздники.

Про всё-всё-всё, короче говоря. Причём, не только рассказывал, но и руками, на время бросая автомобильный руль, показывал....

«Всё такой же легкомысленный и болтливый», – подытожил Ник. – «Ему бы не резидентом советской разведки работать, а главным городским экскурсоводом. Толку, по крайней мере, было бы гораздо больше. Да и пользы реальной....».

– Всё это, безусловно, очень и очень интересно, – высказался Банкин. – Но почему в Буэнос-Айресе так много автомобильных пробок? Кха-кха.... И почему они такие...м-м-м, плотные, шумные и бестолковые?

– Здесь светофоров нет, – охотно пояснил Куликов. – Совсем. Не предусмотрены, так сказать...

– Такой большой город, и без светофоров? Ничего себе – заходы.... А, кстати, почему?

– По капустному кочану. Логика у местного прямолинейного населения такая своеобразная, мол: – «Чтобы мне, вольному и заслуженному кабальеро, всякие разноцветные огоньки указывали – когда ехать, а когда стоять? Не бывать такому! Наглое ущемление гражданских прав! К оружию, братья и сёстры! Свобода, она превыше всего...» Вот, так и живём. Аргентина, братцы мои, она такая...

Наконец, автомобиль остановился возле стильной кованой ограды, за которой – среди густой листвы деревьев и кустарников – угадывался длинный силуэт трёхэтажного светло-жёлтого здания.

– «Меблированные комнаты Жоржиньо», к вашим услугам, сеньоры, – объявил Сергей Анатольевич. – Я тоже квартирую здесь. Почему был сделан такой выбор? Всё очень просто. Тихий и зелёный район. Рядом находятся несколько станций метрополитена. Да и сам Мануэле Жоржиньо – славный малый...

«Славный малый» оказался высоким худым стариканом с пышными «моржовыми» усами и задумчивыми лиловыми глазами трепетной горной ламы. Зарегистрировав новых постояльцев в толстой амбарной книге, он вернул паспорта, выложил на деревянную стойку два массивных бронзовых ключа, щедро покрытых ядовито-зелёной патиной, и, молча кивнув массивной седовласой головой, удалился.

– Вам, господа приезжие, на второй этаж, – пояснил Куликов. – «Шестнадцатый» и «семнадцатый» номера. Расположены в правом торце, друг напротив друга. А я на первом этаже обитаю, как старинным постояльцам и положено. Для удобства. Чтобы бар и ресторан всегда были бы под рукой, на случай внезапно-посетившей жажды...

– Отдельные номера? – недовольно поморщился Михаил. – Лично я, честное слово, предпочёл бы двухместный. Было бы веселее. Кха-кха... И для общения удобней. И для оперативности полезней.... Нельзя ли, кэп, переиграть?

– Нельзя. Ты, мальчик, находишься в Аргентине. Здесь ко всяким штучкам «с гейским душком» относятся крайне неодобрительно. Подозрения в педерастии (пусть и насквозь ошибочные), это как вечное и несмываемое клеймо позора. Никто даже руки не подаст.... А что нам предписывают соответствующие служебные инструкции? Правильно, ни в коем случае не привлекать к себе излишнего внимания.... Значится так. Поднимайтесь на второй этаж. Занимайте номера. Распаковывайте чемоданы и дорожные баулы. Раскладывайте и развешивайте шмотки по шкафам и шкафчикам. Душ примите с дорожки. Переоденьтесь во что-нибудь... э-э-э, прилично-вечернее. Короче говоря, встречаемся ровно через сорок пять минут, на этом же месте...

И они, естественно, встретились.

– Ну, вы, ребята, и вырядились, – небрежно завязывая на худой кадыкастой шее пёстроцветастый платок, презрительно фыркнул Куликов. – Сразу видно, что иностранцы. Вернее, законченные, консервативные и скучные европейцы. Тьфу, да и только...

– Почему – сразу видно? – заинтересовался Ник.

– Потому. Как я уже говорил, в Аргентине очень уважают такое многогранное понятие, как – «вольный кабальеро». Понимаете, мазуты береговые? Вольный.... Следовательно, и во внешнем облике истинного аргентинца обязательно должно присутствовать нечто нарочито-небрежное. Мол, пошли вы все – с вашими скучными устоями и не менее скучными

официальными правилами.... Вот, к примеру, в моём облике оно присутствует? Ну, нечто небрежно-нарочитое?

– А то. И всегда присутствовало. Даже на суровом Чукотском полуострове – во время поедания копчёного китового языка, любезно предложенного гостеприимными чукчами. Типичный, так сказать, представитель легкомысленной и пафосной богемы.

– Серьёзно? Может, я всегда был – в Душе – аргентинцем? Только не знал про это? Надо будет обязательно задуматься на досуге, под бутылочку-другую, об этом странном и немаловажном обстоятельстве...

– Когда же мы пойдём в ресторан? – жадно сглатывая голодную слюну, заныл Банкин. – Кушать очень хочется. Кха-кха. А тут такие бесподобные и аппетитные запахи долетают вон из-за тех стеклянных дверей.... Может, хватит уже трепаться?

– Пожалуй, хватит, – покладисто согласился Куликов. – Да и пожрать-выпить, действительно, охота.... Только мы не пойдём, а поедем. И не в ресторан, а в бар. Называется – «Милонга».

– А чем плох здешний ресторанчик, расположенный в десяти-одиннадцати метрах?

– Он-то, как раз, хорош. Но.... Какое сегодня число?

– Двадцать пятое декабря.

– Вот, именно. Следовательно, до отъезда фигуранта из Буэнос-Айреса остаётся всего несколько суток.... Вы же, кажется, хотели познакомиться с Эрнесто Геварой как можно быстрее?

– И сейчас хотим, – подтвердил Ник. – Типа – в срочном и безотлагательном порядке.

– Тогда поехали в «Милонгу». Там, уже ближе к полуночи, обожают собираться всякая «левая» (по убеждениям), публика, включая интересующего вас индивидуума.... Только такси надо поймать. Нарезаться в «Милонге» – раз плюнуть. И коктейли там забористые. И разговоры интересные. А первое, как известно, очень способствует второму. А второе – в свою очередь – первому. Замкнутый хмельной круг, так сказать...

Наступила летняя аргентинская ночь. Повсюду зажглись, разгоняя по сторонам вязкую угольно-чёрную субтропическую тьму, ярко-жёлтые уличные фонари.

Такси остановилось на Пласа Италия, в пятидесяти-шестидесяти метрах от величественного памятника Джузеппе Гарибальди⁵.

Они, рассчитавшись с шофёром, покинули автомобиль, который тут же укатил.

– Ага, сейчас состоится маленькое практическое тестирование, – обрадовано зашептал капитан Куликов. – Готовьтесь, доблестные идальго. В том плане, что старательно вспоминайте мои развёрнутые инструкции – относительно безопасного поведения...

Им навстречу шла группа молодых людей: три широкоплечих паренька и две стройные девицы. Юноши были одеты в узкие чёрные джинсы и широченные чёрные рубашки навыпуск. У одного из них из-под рубахи высывались длинные деревянные ножны. А второй демонстративно поправлял на кисти правой руки солидный ребристый кастет. Девушки же предпочли в этот вечер аргентинскую классику: светло-голубые обтягивающие юбки до колен и белоснежные кружевные блузки свободного покроя. На груди (над сердцем), у каждой был закреплён большой круглый значок с профилем Эвиты Перрон, а в руках наличествовали чёрные кавалерийские хлысты.

«Непривычно длинные и гибкие хлысты», – всмотревшись профессиональным взглядом, отметил Ник. – «И что-то узкое и блестящее в них встроено-вставлено. Хм.... Неужели – бритвенные лезвия? Однако...».

⁵ Джузеппе Гарибальди – народный герой Италии, военный вождь Рисорджименто, автор мемуаров.

– Бог и Родина! – звонко известил прыщавый длинноволосый юнец, шагавший чуть впереди остальных.

Его спутники и спутницы тут же остановились и замерли в напряжённо-угрожающем ожидании.

– Родина и Бог! – непринуждённо ответил Банкин и, выдержав короткую театральную паузу, добавил – голосом диктатора Хуана Перрона: – Я искренне рад, что аргентинская молодёжь по-прежнему привержена истинным ценностям. Более того, я по-настоящему счастлив. Кха-кха.... Большое спасибо вам, друзья мои!

– П-пожалуйста, – потерянно пробормотал юнец.

– Ик-к-к, – жалобно икнула одна из девиц.

Юные перронисты, непонимающе оглядываясь, скрылись в ближайшем переулке.

– Отлично сработано, – одобрительно ухмыльнулся Сергей Анатольевич. – С характерными нотками тонкого аргентинского юмора. Ладно, пошли в бар. И, понятное дело, пропустим по стаканчику – за успешное прохождение рабочего теста...

В «Милонге» было чуть душновато и откровенно бестолково: старенькая разномастная мебель, расставленная кое-как, без какого-либо стройного порядка, не в меру пёстрые шторы, скрипучие деревянные полы и «пупырчатые» светло-бежевые стены, густо завешанные самыми разнообразными и разноформатными фотографиями, вырезанными из газет и журналов.

– Кого тут только нет, – пробежавшим взглядом по стенам, тихонько пробормотал Банкин. – Политики, спортсмены, балерины, путешественники, революционеры, знаменитые мафиози, генералы, артисты и артистки.... Даже и...м-м-м, и советские есть: Иосиф Сталин, Лев Троцкий и Любовь Орлова. Бывает, конечно же...

С посетителями в баре наблюдался определённый дефицит. Порядка шестидесяти-семидесяти процентов посадочных мест – от их общего количества – было не занято.

– Ещё рановато, – пояснил Куликов. – А, вот, через час-другой здесь будет не протолкнуться от всяких шумных и разговорчивых типов. Занимаем вон тот угловой столик, рассчитанный на пять персон. Занимаем-занимаем, не ловим ртами ворон.... Эй, дон Серхио! – приветственно махнул рукой пожилому смуглолицему официанту. – Подойди-ка сюда.... Добрый вечер. Записывай, старина, заказ. Значится так. Средняя бутылка ямайского рома. Ну, которая с тремя золотистыми медальками. Пятилитровый кувшин пива. Естественно, «Кильмес-Кристалль». Далее – закуски. Три тапаса⁶. Малое сырное ассорти. Шесть кусочков фаины⁷. Ну, и тортилья⁸ с хамоном⁹.... А минут через сорок-пятьдесят подай три стандартные порции асадо¹⁰ – «а-ля гаучо». Бокалов же и рюмок по пять штук предоставь. Пока, собственно, всё. Ежели что – дозакажем...

Время шло. Шумный, пёстрый и весёлый народ, занимая свободные места, прибывал. Но нужной персоны не наблюдалось.

И только когда они, покончив с пивом и закусками, приступили к асадо, Сергей Анатольевич вскочил на ноги и, взмахнув рукой, позвал:

– Че¹¹! Тэтэ¹²! Миаль! Гребите сюда, сукины дети! Два свободных стула, как раз, имеется...

⁶ Тапас – закуска в маленьких чашечках, овощная смесь из баклажан, перца, лука и фасоли.

⁷ Фаина – пирог из муки с турецким горохом.

⁸ Тортилья – маленькая тонкая лепёшка из кукурузной или пшеничной муки.

⁹ Хамон – в Аргентине – собирательное название сыровяленых ветчин.

¹⁰ Асадо – мясо (в основном, говядина), зажаренное на углях.

¹¹ Че (испанский язык) – разговорное междометие, часто употребляемое в Аргентине, русские аналоги – «эй», «эх», «ну».

¹² Тэтэ – детское и юношеское прозвище Эрнесто Че Гевары, уменьшительное от – «Эрнесто».

К их столику подошли двое мужчин. Один – среднего роста, лет тридцати, плотного телосложения, носатый, с массивной, почти круглой головой, коротко-стриженный, облачённый в светло-кремовые вельветовые джинсы и чёрную футболку с длинными рукавами. Второй – чуть выше (порядка ста семидесяти трёх-четырёх сантиметров), двадцати с небольшим лет, тёмноглазый, стройный, с небрежно-растрёпанными тёмно-тёмно-каштановыми волосами, небритый, в чёрных мятых брюках и белой (не очень-то и чистой), нейлоновой рубашке.

– Альберто Гранадо, – указав рукой на носатого мужичка, представил Куликов. – Дипломированный доктор биохимии. Идеальный путешественник и записной авантюрист. Дружеское прозвище – «Миаль».... А этот растрёпанный и улыбчивый шалопай – Эрнесто Гевара де ла Серна. Он же – «Пэпэ». Он же – «Че». Потому как «чекает» через каждую вторую фразу. Студент-недоучка и редкостный раздолбай. Не любит умываться и бриться. Всюду ходит в ужасных и неряшливых башмаках. Единственную рубашку стирает не чаще одного раза в неделю. Брюки, такое впечатление, никогда не гладит. Хронический астматик, кашляющий по любому поводу. И без оно. Но, при этом, является любимчиком у симпатичных девчонок. Липнут они к нему – как те мухи на тарелку с вареньем. Ничем необъяснимый, на мой взгляд, казус. Даже обидно немного.... Да вы присаживайтесь, ребятки, присаживайтесь. Не стесняйтесь...

– Спасибо, Одноухий, за гостеприимство, че, – опускаясь на стул, поблагодарил Эрнесто. – Ну, и за слова добрые. Кха-кха.... О, да у вас тут и рюмашки лишние имеются. Накатим, че, рома за встречу?

– Накатим. За встречу. Разливай.... А также и за расставание. Вы же, бродяги, не раздумали – совершить головокружительный мотоциклетный пробег через всю Южную и Центральную Америку?

– Не раздумали, че. На днях отправляемся. Я даже любимой девушке пообещал купить в Штатах фирменный купальник. Обязательно, че, куплю.... Зачем мы едем? А Бог его знает, если честно, че. Как говорится в одном стихотворении: – «Звонкий ветер странствий – на заре – поманил нас в неведомую даль...». Кха-кха-кха. Извините, астма проклятая.... Ну, вздрогнули!

«Хорошая у Че улыбка», – ставя на столешницу опустевшую рюмку, подумал Ник. – «Радостно-скромная такая. Слово бы он очень рад жить на Свете, но самую чуточку стесняется этой своей радости.... Голос? Мужественный, с лёгкой «хрипкой». Бывает. Что-то в нём есть «сродни» голосу Владимира Высоцкого. Может, все идейные авантюристы и отвязанные искатели приключений – слегка хрипят? Мол, природная особенность такая? Типа – опознавательный знак? Всё, конечно, может быть на этом призрачном Свете.... А ведь они, действительно, похожи друг на друга. Мишка и Эрнесто, имеется в виду...».

– Серж, познакомь нас со своими друзьями, – попросил спокойный и рассудительный Миаль. – Всегда же интересно знать – с кем выпиваешь.

– Пожалуйста, – небрежно передёрнул покатыми плечами Куликов. – Этот серьёзный сорокалетний дядечка – дон Андрес Буэнвентура. А данный смыслённый юноша – Микаэль Вагнер. Оба они – испанские виноторговцы. Хотя и какими-то другими товарами, как я понимаю, приторговывают.... Серхио, стой! – обратился к проходящему мимо официанту. – При тарань-ка нам, старина, ещё всего. Ну, рома, пива и всяких там закусок мясных. А ещё и пару блюдец с разными орешками...

– Испанские коммерсанты, че? – заинтересовался Эрнесто. – То бишь, испанские иммигранты, занимающиеся коммерцией?

– Почему, сразу, иммигранты? – скорчил обиженно-удивлённую гримасу Банкин. – Нет, мы, кха-кха, самые натуральные жители испанской Барселоны.... А что в этом такого?

– Ну, как же, че. Кха-кха.... Всем же известно, че, что генералиссимус Франко является кровавым диктатором. А ещё, че, и безжалостным сатрапом.... Как вы с ним уживаетесь, гос-

пода? Почему до сих пор не уехали из Испании? Каудильо – лично вам – симпатичен? Не верю...

– Как, молодой человек, вы относитесь к философии? – невозмутимо прикуривая сигарету, поинтересовался Ник.

– В общем-то, положительно. По крайней мере, че, с трудами некоторых классических философов знаком.

– Тогда, может быть, вы меня поймёте.... Рассказать вам о генералиссимусе Франко? Так сказать, подробно, по делу и без гнилой политической подоплёки?

– Попробуйте, дон Андрес, че. Лишним не будет.

– Хорошо, слушайте.... Итак. Франсиско-Паулино-Эрменгильдо-Теодуло Франко-и-Баа-мондэ родился в далёком 1892-ом году в маленьком приморском городке на северо-западе Испании, но его родители были чистокровными кастильцами. Отец будущего диктатора (впрочем, как и дед, и прадед, и прапрадед), был офицером испанского королевского военно-морского флота. И юный Франсиско, в свою очередь, с трёхлетнего возраста был железобетонно уверен, что единственно-возможное для него Будущее – это карьера морского офицера. Кроме того, он с детских лет отличался от ровесников серьёзностью, исключительной дисциплинированностью и настойчивостью. Уже в четырнадцать лет Франсиско Франко получил аттестат о среднем образовании. Но так сложилось, что путь в Военно-морскую академию оказался для него закрыт, и юноша был вынужден поступить в Пехотную академию в Толедо, которую и закончил в звании младшего лейтенанта. А свою блестящую карьеру он сделал во время марокканской войны: в 1915-ом году стал самым молодым майором в испанской армии, в 1923-ем возглавил Испанский иностранный легион, а в 1926-ом стал самым молодым испанским генералом.... Франко всегда слыл ревностным католиком и образцовым семьянином, никогда не принимал участия в традиционных офицерских гулянках и был способен убить интенданта, если солдатская пайка хлеба – при контрольном взвешивании – оказывалась на несколько грамм легче, чем должна. Его авторитет в испанской армии среди нижних чинов был непрерываем.... До 1936-го года генерал Франко абсолютно не интересовался ни политикой, ни экономикой, ни социальной жизнью страны, ни международными отношениями, – все его интересы были сосредоточены сугубо на военной службе. Потом началась кровавая гражданская бойня. Именно бойня, а не война. Кровавая – с обеих сторон. Например, в Мадриде – только за одни сутки – разгневанные пролетарии публично линчевали более тридцати католических священников. И закружилась кровавая мельница, в которой уже не было ни правых, ни виноватых.... Вот, тут-то Франсиско Франко не выдержал. Такое впечатление, что генералу было совершенно всё равно, как остановить эту бойню, но остановить было надо. Будучи ревностным католиком, он возглавил правых, что выглядело совершенно естественным (ну, не коммунистов-безбожников же, в конце-то концов, возглавлять...). «Хунта национальной обороны» в 1936-ом году присвоила ему звание генералиссимуса и назначила временным Главой государства. В 1939-ом году Гражданская война в Испании была завершена, но на пороге уже стояла другая война, Вторая мировая.... Как же повёл себя Франко в этих условиях? А очень просто: он делал всё возможное (да и невозможное, по большому счёту), чтобы его любимая Испания пострадала во время Второй мировой войны как можно меньше. Да, формально он поддержал Гитлера и даже направил на Восточный фронт элитную «Голубую дивизию», которая храбралась, но была полностью разбита и уничтожена под русским городом Новгородом. На этом, собственно, и всё. Формально отметил, так сказать, и хватит.... Но и англичане ему многим обязаны: именно Франко – путём хитрых дипломатических увёрток в переговорах с Гитлером в 1940-ом и 1941-ом годах – не позволил немцам занять Гибралтар. А это – очень даже существенно.... Если кратко резюмировать, то можно сделать только один вывод: дон Франсиско – законченный эгоист. Но эгоист – в национальном масштабе. Мол: – «Пусть весь остальной Мир летит в тартарары со всеми его проблемами, пусть – летит, лишь бы моя любимая Испания

вышла из всех передраг с наименьшими потерями. Какие там ещё другие ценности – в одно всем известное и неприглядное место? Никаких, ясная табачная лавочка...». А что, не самая худшая, на мой взгляд, идеология. По крайней мере, честная. И, поверьте, благодаря такому «эгоистичному» мировоззрению, каудильо Франко продержится у Власти гораздо дольше всех своих «коллег по цеху», правящих самыми различными странами-государствами в этот исторический отрезок-период.... Кстати, ни капли не удивлюсь, если дон Франсиско и русскому лидеру Сталину оказывает существенные услуги. Мол, вдруг, да и зачтётся в дальнейшем.... Как вам, сеньор Гевара, мой рассказ?

– За это надо выпить, че, – одобрительно покивал головой Эрнесто. – За науку философию, че, царицу всех наук, я имею в виду. Миаль, наполни-ка рюмашки. Кха-кха.... Спасибо, дон Андрес, за интересное и познавательное повествование. Теперь я смотрю на генералиссимуса Франка совсем по-другому. Естественно, он по-прежнему, че, является моим идейным врагом. Но врагом, безусловно, уважаемым. Искренняя и беззаветная любовь к Родине, че, она дорогого стоит.... Конечно, каждый может понимать её по-разному. Но искренность и цельность поведения – главное.

– Это да, – согласился Ник. – Нельзя отступать от своих краеугольных жизненных принципов. Никогда...

Они просидели в «Милонге» ещё порядка полутора часов, из которых добрый час ушёл на жаркие философские разговоры-споры между Банкиным и Геварой.

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку..., – выглянув из настенных часов, двенадцать раз подряд прокуковала механическая кукушка.

– Нам уже пора, – хлопнув ладонью по лбу, объявил Миаль. – Извините, идальго, но до отъезда нам необходимо уладить ещё целую кучу важных дел. И личных, и финансовых. Да и мотоцикл требует технической доводки.

– Прощайте, доблестные кабальерос, че, – поднялся на ноги Эрнесто. – Вернее, до свиданья. Встретимся ещё когда-нибудь. Или же здесь, че, после нашего возвращения из мотоциклетного путешествия. Или..., или ещё где-нибудь.

– Конечно, встретимся, – заверил Ник. – Причём, обязательно и всенепременно...

Глава четвёртая

Автомобилисты и мотоциклисты

Сергей Анатольевич оказался истинным джентльменом и сдержал своё обещание. То бишь, нарезался в «полную зюзу». После чего начал активно приставать к симпатичным женщинам, имевшим неосторожность заглянуть в «Милонгу», и не менее активно задирались к мужчинам, сидящим за соседними столиками.

– Придётся, всё же, применить эффективный и многократно-проверенный метод, – наблюдая, как Куликов, слегка покачиваясь, вяло переругивается с пожилым седоусым метрдотелем бара, решил Ник. – Пока не вляпались в безобразный скандал, чреватый вызовом доблестной аргентинской полиции. Ни к чему нам это, честно говоря.... Давай-ка, сеньор Микаэль, доставь этого неисправимого пропойцу и дебошира к нашему столику. Только, пожалуйста, обойдись без грубой физической силы. Придумай что-нибудь вежливое и культурное. Например, шепни ему на ушко, что у меня имеются свежайшие новости. Важные-важные такие из себя. И секретные-секретные...

Он оперативно наполнил – на две трети – пузатые бокалы: один – крепким ямайским ромом, второй и третий – аргентинским тёмным пивом.

Через полторы минуты к столику пожаловал до неприличия хмельной и растрёпанный Сергей Анатольевич, вежливо поддерживаемый под локоток слегка встревоженным Банкиным.

Пожаловал и, пьяненько икнув, поинтересовался:

– Что ещё за с-секреты, к-командир, а? К-колись незамедлительно. Ик-к-к-к-к...

– Секреты? – картинно удивился Ник. – Нет никаких секретов. А, вот, одна сверхважная тайна имеется.... Ты же, старина, умеешь держать язык за зубами?

– А то. Он ещё с-спрашивает. М-могила...

– Тогда слушай, бродяга водоплавающий.... Твоя «Кошка» – лучшая яхта в Мире. Только т-с-с-с. Никому ни слова.

– Л-лучшая.... Никому ни слова. П-понял.... Так за это же надо выпить! Причём, в обязательном п-порядке.

– Надо. Не спорю. Держи бокал.... Ну, за твою легендарную и неповторимую «Кошку». Пей до дна, пей до дна, пей до дна...

Куликов, задрав голову и болезненно дёргая кадыком, браво выцедил ром до последней капли, после чего аккуратно поставил опустевший бокал на столешницу и начал плавно оседать на пол.

– Держи его, Микаэль, – велел Ник. – Крепче. И на стульчик, болезного, усади.... Дон Серхио, – обратился к официанту. – Вызовите, пожалуйста, такси. И рассчитайте нас. Естественно, набросив разумные чаевые. На сегодня – вполне достаточно. К дому пора...

Через час с небольшим спящее тело Сергея Анатольевича было успешно доставлено в «Меблированные комнаты Жоржиньо» и помещено – с помощью седоусого хозяина заведения – на широченную кровать, занимавшую добрую четверть гостиничного «капитанского» номера.

Они вышли на пустынную улицу и, устроившись на тёмно-синей садовой скамье, расположенной под тускло-жёлтым фонарём, закурили.

– И как оно – с первыми впечатлениями? – поинтересовался Ник. – Относительно фигуранта, я имею в виду?

– Нормально, – коротко вздохнув, заверил Банкин. – В том смысле, что весьма приятный, разумный и адекватный молодой человек. Ну, и это...

– Что – это? Говори, боец, конкретно. Не растекайся по древу.

– Есть – конкретно. Есть – не растекаться. Кха-кха.... Похожи мы с ним. И внешне, и, так сказать, поведенчески. Носов, понятное дело, не считая...

– Вот, именно. Очень похожи, – озабоченно хмыкнул Ник. – Даже подкашливаете одинаково.... С одной стороны, это, конечно, замечательно. В рамках и канве, так сказать, проводимой операции. А с другой...

– Что – с другой?

– То. Нехорошо, если это будет бросаться в глаза всем подряд. В том плане, что навредить может.

– Что же теперь делать? – запечалился Мишка. – Как быть?

– Обыкновенно. То бишь, в полном соответствии с моим строгим командирским приказом. Слушай сюда, бездельник.... Во-первых, начиная с этого момента, отращивай длинную шевелюру и полноценную бороду. Суть этого мероприятия проста и непритязательна. Если Эрнесто коротко-стриженный (пусть и относительно), и хотя бы раз в неделю бреется, то ты бородат и с лохмами до плеч. И наоборот, если он начинает отращивать волосистой покров на голове и физиономии, то ты тщательно бреешься и подстригаешься – хоть под «ноль».... Во-вторых, сегодня я тебе выдам хитрые таблетки, полученные в Москве у «кремлёвского» доктора. Будешь глотать по одной в день, перед завтраком. От этого цвет твоих волос и щетины резко поменяется. То есть, значительно посветлеет. Временно, понятное дело.... Всё ясно?

– Так точно. Готов безропотно отращивать и глотать.

– Молодец, – скупой похвалил Ник. – Можешь, когда захочешь.... Наши дальнейшие планы? Элементарные. Завтра-послезавтра послоняемся по Буэнос-Айресу. Во-первых, весьма красивый и своеобразный город. Во-вторых, дополнительно «вживёмся» в сегодняшнюю аргентинскую действительность. А после этого вылетим в город Мендосу, столицу одноимённой западной провинции. Там обзаведёмся всем необходимым, включая надёжный автомобиль, и двинемся на юг – вдоль чилийской границы – к населённому пункту Сан-Мартин-де-лос-Андес, где через месяц с небольшим – якобы случайно – встретимся с Че и Миалем.

– Долбанные сложности, кха-кха, – отправив сигаретный окурочок в приземистую бетонную урну, принялся ворчать Банкин. – И зачем, спрашивается, целый месяц слоняться по занюханной аргентинской провинции? Можно же подлететь к намеченной точке за пару-тройку суток до запланированной даты. Местный справочник, кстати, утверждает, что в Сан-Мартин-де-лос-Андес и маленький аэродром имеется.

– Ради пущей достоверности, мой легкомысленный и недалёковидный сеньор Вагнер. Предстоящая встреча должна выглядеть – по максимуму – случайной. Мол, два испанских коммерсанта старательно изучают торговый потенциал западных аргентинских провинций. На совесть, заметь, изучают, без дураков. И порукой тому – их до черноты загорелые и на совесть продублённые ветрами лица, а также походные изношенные одежды, местами даже прожжённые во время ночёвок у костров. Встреча должна – на сто процентов из ста – смотреться случайной. Слу-чай-ной. Никакой навязчивости.... Понимаешь меня?

– Так точно.

– Совсем другое дело, – улыбнулся Ник. – Понятливый мальчик. Возьми с полки пирожок с абрикосовым повидлом.... И вообще. Тебе разве не интересно – немного постранствовать по легендарной аргентинской пампе? По предгорьям Анд? По чилийским льяносам?

– Интересно, ясен пень.

– То-то же. Ладно, на сегодня, пожалуй, всё. Пошли спать...

В положенное время пассажирский самолёт мягко приземлился в аэропорту «Сан-Рафаэль» города Мендосы.

Получив багаж, они вышли из душного помещения «зала прилётов» на свежий воздух.

Приближался рассвет. Восточная часть неба была охвачена радостным розово-оранжевым маревом, а окружающий воздух – своим восхитительно-свежим ароматом – напоминал о существовании заповедных горных ледников, рек, озёр и ручьёв.

– Куда вам, сеньоры? – дружным и радостным хором заголосила по-испански толпа черноволосых и смуглолицых таксистов. – Доставим с ветерком. Практически бесплатно...

– Канцелярия господина Губернатора провинции, – озвучил конечную точку поездки Ник.

– Это моя территория, – растолкав конкурентов по сторонам, вышел вперёд широкоплечий усатый облом. – По ежегодному жребию досталась. Прошу вас, кабальерос...

Через некоторое время, когда ярко-жёлтое солнышко уже взошло над восточной частью горизонта, а неприметная японская малолитражка въехала в городскую черту, Ник принялся мысленно комментировать увиденное: – «Симпатичный такой населённый пункт, чистенький и опрятный. Много различной зелени и аккуратных скромных коттеджей. Правда, встречаются и шикарные виллы, типа – самые настоящие дворцы здешних «виноградных» богатеи...».

Машина остановилась на Плаза Хосе-де-Сан-Мартин.

– Вон в том старинном здании с мраморными колоннами по фасаду и квартируют различные губернаторские службы, – указал рукой усатый таксист. – Только там пока ещё никого нет. Лишь через час с хвостиком господа чиновники пожалуют на службу. Но вы, странствующие идальго, не расстраивайтесь. В любом из этих двух переулков непременно отыщется кафе, где вам будут рады.... Спасибо, сеньоры, за денежку. Вполне достаточно. Сейчас помогу вам достать чемоданы и баулы из багажника. Одну минуту.... Ну, всех вам благ. Адюс...

Кафешка – уютная и симпатичная – отыскалась, действительно, достаточно быстро. Они, заняв столик возле широкого окна, воздали должное отменному кофе и свежайшим булочкам с виноградным повидлом, а пожилая хозяйка заведения, в жилах которой текло никак не меньше пятидесяти процентов благородной индейской крови, принялась развлекать заезжих гостей пространными рассказами о главных местных достопримечательностях:

– Весёлый у нас, сеньоры, городок. Весёлый, непредсказуемый и бесшабашный. А всё потому, что проживают здесь потомки испанцев, итальянцев и арабов. А также индейцев кечуа и инков, конечно. Исключительно-взрывоопасная смесь, короче говоря.... Старинные редкости и исторические раритеты? Советую вам осмотреть, в первую очередь, развалины церкви Святого Франциска, которая была построена ещё в шестнадцатом веке. И руины систем орошения, созданных древними инками. Ещё, благородные путники, обратите ваше внимание на знаменитый источник минеральных вод «Вильявисенсио», расположенный на северо-восточной окраине Мендосы...

В приёмной канцелярии местного Губернатора их встретили однозначно приветливо. Сперва томная рыжеволосая секретарша «бальзаковского» возраста просто построила симпатичным посетителям глазки, а потом, ознакомившись с рекомендательным письмом генералиссимуса Франко, заметно разволновалась и посоветовала:

– Вам, сеньоры, необходимо срочно пройти к господину вице-губернатору Педро Гонсалесу. Это на втором этаже, в левом торце. Я ему сейчас сообщу о вашем визите. Дон Педро будет очень рад...

Вице-губернатор провинции Мендоса (упитанный пожилой дядечка с аккуратной полуседой бородкой «клинышком», облачённый в нарядный полувойенный мундир), действительно, их появлению обрадовался: долго, заглядывая в глаза, поочерёдно тряс руки в крепком рукопожатии, а прочтя испанское послание, заявил:

– Просите у меня, господа, всё, что угодно. Непременно выполняю. Для меня дон Франсиско Франко – непререкаемый авторитет, кумир, второй отец и Святой. Мне довелось служить под его началом в 1924-25-ом годах, в составе славного Испанского иностранного леги-

она. Для меня каудильо – «Бог во плоти». Единственный и неповторимый. Рыцарь без страха и упрёка. Повторяю, всё – что угодно.... А вам, сеньоры, доводилось лично общаться с генералом Франко? Он, как мне известно, терпеть не может пафосного звания – «генералиссимус»...

– Да, конечно, – на всякий случай соврал Ник. – И последний раз – совсем недавно, два с половиной месяца тому назад.

– И как он?

– Как и всегда. Подтянут, строг, но справедлив.

– Я и не сомневался, – растрогавшись, сеньор Гонсалес несколько раз промокнул глаза белоснежным носовым платком. – Всё такой же. Солдат и служака до мозга костей.... Итак, сеньоры, чем я могу вам помочь?

– Нам нужна надёжная машина со «служебными» номерами и всеми необходимыми документами. Желательно, внедорожник. И к нему – прицеп с брезентовым тентом. А также одежда, обувь, запас горючего, амуниция, необходимая для дальнего похода (включая легальное огнестрельное оружие), и двухнедельный запас продовольствия. Вот – список...

– Давайте его сюда.... Ага, ага. Понятно.... Что же, кабальеро, всё просимое будет предоставлено вам в самое ближайшее время. перезвоните через пару часов моей секретарше.... Может, вас и опытным проводником обеспечить? Сами справитесь? Ну-ну, всё понимаю. Видимо, секретность.... Ладно, господа странники, желаю вам удачи. А если по возвращении в Испанию увидите с каудильо Франко, то передайте ему от меня горячий армейский привет. А также искренние заверения – в глубочайшем почтении...

– В самое ближайшее время? – оказавшись на улице, принялся ворчать Михаил. – перезвонить через два часа секретарше? Ну-ну. Свежо предание, да верится с трудом. Кха-кха.... Я уже всё понял про эту Аргентину. Здесь синонимом понятия «ближайшее время» является – «маньяна». То есть, «завтра». Но и завтра ты ничего не добьёшься. В том плане, что в очередной раз услышишь про «маньяну». Деятели смуглолицые. В этой стране, похоже, по-быстрому ничего «не выгорает»...

Но на этот раз «выгорело».

Более того, в двенадцать тридцать восемь они уже выехали на маршрут.

– Вот, так серьёзные дела и делаются, – несуетливо управляясь с баранкой почти нового пятнистого джипа американского производства, подытожил Ник. – Раз-два, и всё готово. Чисто по-армейски. Уважаю.... Что там, Микаэль, ты бухтел про «маньяну»?

– Был неправ. Слегка погорячился, – покаянно вздохнув, признал Банкин. – Хотя, как я понимаю, всё это произошло, лишь благодаря непреклонному армейскому авторитету генералиссимуса Франко. Кха-кха.... А почему, кстати, мы запросили только двухнедельный запас продовольствия?

– Ну, их, эти «ижегистые» консервы. Терпеть ненавижу. Будем охотиться и рыбачить.

– Будем, не вопрос.... Опаньки! Ничего же себе. Охренительная картинка...

Машина, переехав по узкому мосту через бурную речку, выехала из города, и впереди, насколько хватало взгляда, простирались бесконечные ряды виноградников.

– Да, впечатляет, – согласился Ник. – А на некоторых растениях уже и гроздья ягод наблюдаются. Причём, разноцветные – в разных рядах. И светло-зелёные, и жёлто-янтарные, и ярко-бордовые, и тёмно-фиолетовые. Очень эстетичное зрелище, надо признать.... Как тебе, напарник, вид с правой стороны?

– Замечательный. Горы, горы, горы. А вон та величественная вершина с белоснежной снеговой «шапкой», это, надо думать, Аконкагуа, самая высокая гора всего американского континента...

Уже ближе к вечеру виноградники закончились, и внедорожник, беззаботно порывая, въехал в пампу.

– Останови, командир, – попросил Михаил. – Вылезем и немного осмотримся.

– Ну, и как оно тебе? – через пять-шесть минут поинтересовался Ник.

– Не наврали толстые книжки и глянцевые рекламные брошюры-буклеты. Да и авторитетный Сергей Анатольевич Куликов был абсолютно прав, утверждая, что именно пампа является полноценным и знаковым символом Аргентины. Впечатляет. Кха-кха...

– Что конкретно?

– Да абсолютно всё, если честно. Хрустальный, слегка подрагивающий воздух, пахнувший диким мёдом и безграничной свободой. Бездонное голубое небо над головой, в котором величественно кружат, почти не шевеля крыльями, огромные орланы. Изумрудно-зелёная трава, слегка разбавленная нежно-фиолетовыми пятнами зацветающего чертополоха. Птичий приветливый щебет, долетающий, как кажется, со всех сторон сразу. Серо-лиловые горбатые холмы у самого горизонта, стыдливо тонущие в молочно-белой утренней дымке. Полный и абсолютный восторг, если коротко...

– По мне, так очень похоже на обыкновенную русскую степь. Не вижу особых различий.

– Не скажи, дон Андрес. Не скажи. Кха-кха.... Я, видишь ли, неоднократно бывал в донских и поволжских степях. Они достаточно ровные, если не считать, понятное дело, древних куполообразных курганов. Здесь же наличествуют сплошные холмы, холмики и прочие неровности. А ещё наблюдается бессчётное количество кривых оврагов, овражков, долин, долинок и лощин, густо заросших самым разнообразным кустарником.... Ага, смотри, бойкий ручеёк с неправдоподобно-прозрачной водицей. Рыбка активно плещется за чередой водоворотов.... Может, на берегу этого ручья и встанем на ночёвку?

– Встанем, не вопрос. Идеальное местечко...

Они – умело и несуетливо – разбили походный лагерь на низком травянистом берегу: установили двухместную брезентовую палатку, достали из прицепа спальные мешки, два раскладных стула и такой же столик, развели небольшой аккуратный костёр, благо сухих веток, принесённых водами ручья, по берегам хватало. А потом ещё оперативно настроили поплавочные удочки и за полчаса наловили с десятков двухсотграммовых пятнистых форелей.

Сидели себе около костерка и с аппетитом уплетали жареную рыбёху. Естественно, под отменное красное аргентинское вино, любезно предоставленное (в количестве двух ящичков), щедрым вице-губернатором аргентинской провинции Мендоса. А потом, когда догорел печальный багрово-красный закат, в чёрном бездонном небе повисли неправдоподобно-яркие звёзды: Сириус, Канопус, Ригель и главный символ тропиков – великолепный и неповторимый Южный Крест....

Вскоре бесхитростное Время завертелось изысканным и элегантным калейдоскопом: дни летели за днями, недели – за неделями. И, конечно, одни неповторимые природные пейзажи планомерно сменялись другими: на смену равнинной пампе приходили каменистые серо-лиловые нагорья, изрезанные многочисленными реками и ручьями, а после засушливых пустошей с грязно-жёлтыми солончаками их путь пролегал между цепочек длинных и задумчивых озёр, густо-заросших разноцветными камышами и ярко-зелёной осокой.

Дорожные встречи? Были, конечно. Куда же без них? И с оборванными пастухами-гаучо. И с не менее оборванными молчаливыми фермерами, занимавшимися выращиванием зерновых культур, гречки и гороха. И с трудолюбивыми виноделами. И с бравыми аргентинскими военными. И с хамоватыми полицейскими. Но совсем не часто. Иногда, несколько суток напролёт, округа оставалась полностью безлюдной, не считая, естественно, вездесущих коров, бычков, телят и молоденьких пастушков на голенастых лошадках...

Примерно через две с половиной недели после начала путешествия их внедорожник, надсадно пыхтя и монотонно выбрасывая из-под широких задних колёс щедрые пригоршни угольно-чёрной гальки, не без труда выбрался на очередной горный перевал-водораздел.

Выбрался и остановился.

Погода стояла просто замечательная – безветренная и солнечная, над светло-серыми долинами и лощинами задумчиво клубилась молочно-белая дымка, в ветвях кустарников и редких низкорослых деревьев бодро щебетали разноцветные пичуги.

– Ничего же себе! Просто обалдеть и не встать! – восхитился непосредственный Банкин. – Красотища неопишная и законченная. Мать его растак. Кха-кха.... Что это такое, командир?

Изысканная картина, открывшаяся их любопытным взглядам, откровенно и однозначно завораживала. От высокого гребня хребта, на котором в тот момент находились путники, к западным предгорьям синхронно спускались четыре извилистые лощины, заросшие невысокими кустами боярышника и дикого орешника. И правая, самая широкая из них, плавно «вливалась» в плоские бесконечные равнины, на которых беззаботно паслись – многочисленными тёмными и буро-пёстрыми точками – неисчислимые стада неизвестных животных. Вблизи предгорий равнины были светло-светло-зелёными, но – по мере удаления от хребта – их цвет постепенно менялся, превращаясь из зелёного в светло-серый, а из серого – в нежно-сиреневый. Линия же горизонта была скрыта плотной, небесно-голубой туманной дымкой.

– Наверное, знаменитые чилийские льяносы, – предположил Ник. – Их ещё иногда называют – «голубой пампой». Земной Эдем – для крупнорогатого скота и прочих парнокопытных животных. Но...

– В чём дело?

– Я не предполагал, что до чилийской границы – так близко. Надо – на всякий пожарный случай – резко отвернуть к востоку. Пока бдительные аргентинские пограничники нас не засекли. Арестуют ещё, не дай Бог. Целую кучу времени (Времени?), потеряем...

В первых числах февраля месяца их внедорожник, наречённый после долгих и жарких споров – «Росинантом», остановился на высоком обрывистом берегу широкого грязно-бурого водного потока.

Время уже давно перевалило за полдень. Приближался вечер. Дневная жара значительно спала. В высокой пыльной траве лениво и умиротворённо, обещая скорую ночную прохладу, потрескивали тёмно-коричневые аргентинские цикады.

– Река под названием – «Коллон Кура»? – сверившись с топографической картой, предположил Банкин. – Или же её правый безымянный приток? Второй вариант, на мой взгляд, более правдоподобен...

– Хрен его знает, – по-честному признался Ник. – Запутал я слегка в этих хитросплетениях рек, ручьёв, озёр, равнин, плоскогорий, пустошей и горных хребтов. Хотя, чисто по ощущениям, мы явно находимся где-то рядом с намеченным местом. Если, понятное дело, не непосредственно на нём.... Ага. Слышишь?

С противоположного речного берега донеслись неясные звуки.

– Кто-то поёт? – приложив к правому уху ладонь, предположил Михаил. – Причём, на немецком языке?

Вскоре можно было уже разобрать и слова песни. Несколько молодых лужёных глоток увлечённо и вдохновенно орали:

– Дойче зольдатен унд официрен...

Вскоре показались и беззаботные певцы.

Под холмом, почти параллельно низкому противоположному берегу реки, прихотливо змеилась узенькая тропка, по которой браво вышагивали-маршировали трое молодых мужчин – здоровенных, широкоплечих и мордатых. Что называется – кровь с молоком. Незнакомцы были одеты в светло-зелёные куртки с короткими рукавами и штаны-бриджды песочного цвета. На их ногах красовались тяжёлые чёрные ботинки с высокой шнуровкой, а на головах – клас-

сические «колониальные» пробковые шлемы. У каждого из молодчиков, так любящих бодрые песни, за плечами висело по солидной винтовке.

Мужчины, повернув за ближайший поворот, скрылись из вида. Вскоре стихла и их приметная песенка.

– Что это было? – спросил Банкин. – Вернее, кто?

– Немецкие переселенцы, – неодобрительно усмехнулся Ник. – Ими сейчас буквально-таки наводнён Парагвай. Именно эту страну (по крайней мере, на первом этапе), бежавшие из Германии нацисты рассматривают как базовую. Южноамериканские доморожденные юмористы шутят, что на парагвайский флаг дано уже пора добавить чёрную нацистскую свастику, а над гербом начертать девиз: – «Только для немцев!». Но есть информация, что сейчас многие нацисты – по объективным и субъективным причинам – начали активно переселяться в Аргентину и Чили. Вполне возможно, что где-то рядом, например, вон за тем горбатым холмом, и расположено такое немецкое поселение...

Путешественники установили палатку, разожгли походный костёр и занялись приготовлением скромного ужина.

– Ага, вот, как я понимаю, и гость к нам направляется, – махнул рукой в сторону реки Ник. – Что же, пообщаемся. Не вопрос.

Через реку – вплавь – перебирался конный всадник. Старенькая буро-пегая лошадка отчаянно фыркала и недовольно вертела головой, так и норовя повернуть обратно. Но всадник – грузный пожилой мужчина – был упорен и настойчив.

Вскоре переправа была успешно завершена, мужчина спешил и, демонстративно поглаживая ладонью солидную пистолетную кобуру, закреплённую на широком кожаном поясе, поинтересовался по-испански, но с заметным жёстким акцентом:

– Кто такие? Что вам здесь надо?

Ник, молча, протянул рекомендательное «испанское письмо», помещённое в прозрачный пластиковый чехольчик.

– Генералиссимус Франко? – ознакомившись с посланием, уважительно протянул незваный гость. – Знаю такого. Достойный и цельный нацист.... А меня зовут – «Пут Крамер». Бывший оберштурмбанфюрер СС. Являюсь бургомистром немецкого посёлка – «Круппендорф». Вся эта речная долина принадлежит нам. Приватная частная собственность, так сказать, выкупленная и оформленная в полном соответствии с аргентинским земельным Законодательством. Просто не успели ещё огородить.... Ладно, последователи заслуженного каудильо, можете здесь заночевать. В виде исключения...

Пут Крамер взобрался на лошадку и, активно понукая, вновь заставил её войти в реку.

– Сука фашистская, – негромко пробормотал Банкин. – Недобиток пузатый. С огромным удовольствием пристрелил бы засранца. Но, к большому сожалению, нельзя. Мол, другие цели и задачи. Повезло тебе, гнида толстомясая. Живи покуда...

Через некоторое время послышался характерный шум-треск работавшего на последнем издыхании двигателя.

– Ну-ка, ну-ка, – обернувшись на звук, заинтересовался Ник. – Кто это там передвигается? Никак, мотоцикл с двумя седоками катит по просёлку?

– Он самый, – подтвердил Михаил. – Неужели, командир, это они?

– Вполне может быть. Вполне...

Это, действительно, были Миаль и Эрнесто.

Мотоцикл остановился рядом с пятнистым внедорожником, двигатель, оглушительно чихнув, замолчал.

– Дон Андрес! Микаэль! – покинув мотоциклетное седло, радостно завопил Че. – Бродяги неприкаянные! Загорелые, че, какие. Ещё и оборванные. А Микаэль, вообще, сделался

длинноволосым. И шикарную тёмно-русую бородищу отпустил.... Какими, че, ветрами вас занесло в эту пасторальную глухомань?

– Коммерческими, конечно же, – поднимаясь на ноги, беззаботно усмехнулся Ник. – Ездим по здешним незабываемым ландшафтам и присматриваемся к местам, где можно разбить новые виноградные плантации.... Ну, давайте ваши мужественные лапы. Ужасно рад нашей неожиданной и случайной встрече.... А что это, братцы, у вас с ладошками? Бинты сплошные...

– Всё наш «Богатырь Второй», – с ярко-выраженным пиететом посматривая на забрызганный грязью мотоцикл, пояснил Миаль. – Ломается, понимаешь, через каждые пятьдесят-шестьдесят километров. А моей излюбленной запчастью, как раз, является проволока. Мол, везде, где проволока может заменить винт, я предпочитаю проволоку, она гораздо надёжнее.

– Это точно, предпочитает, че. Все руки поцарапаны и изранены, – согласился Эрнесто, а после этого зашёл в приступе надсадного сухого кашля: – Кха-кха! Кха-кха! Кха-кха-кха...

– Что с тобой, дружище? – забеспокоился Банкин. – Приболел?

– Есть немного, че. Ещё в Байя-Бланка грипп подхватил. Потом проклятая астма, кха-кха, обострилась. Ничего страшного, че. Обязательно оклемаюсь.

– И это правильно.... А как путешествие?

– Просто замечательно. Правда, нищеты многовато вокруг. И заносчивых козлов в полицейской форме.... А из Байя-Бланка, после моего частичного выздоровления, мы направились к Чоле-Чоелю. Потом повернули – через Челфоро и Кенкен – вглубь страны. Вот и сюда, че, с Божьей помощью, добрались.

Они ещё поболтали с полчаса, обмениваясь впечатлениями от западных аргентинских провинций, а после этого Ник предложил порыбачить.

– Отличная идея, – обрадовался Миаль. – Ещё ни разу в своей жизни не рыбачил. Командуйте – как и что надо делать. Да и поторапливаться надо – пока не стемнело...

Ник достал из рюкзака классическую донку, размотал её, умело насадил на крючок «номер двенадцать» большую тёмно-бурую лягушку, что первой подвернулась под руку, и, сильно раскрутив снасть над головой, забросил крючок с наживкой в речные воды метров на тридцать пять. А второй конец лески крепко привязал к неизвестному разлапистому кусту, нависавшему над берегом уже дремлющей реки.

Уже через двенадцать-пятнадцать минут куст отчаянно задёргался, словно собираясь вырваться из земли на свободу и убежать – в неведомую даль.

Понимая, что клюнуло что-то серьёзное, Ник торопливо натянул на ладони брезентовые рукавицы: любой мало-мальски опытный рыбак прекрасно знает, что рыболовная леска, на конце которой «сидит» крупная рыбина, может порезать руки ничуть не хуже, чем опасная бритва...

После отчаянной борьбы путешественники – совместными усилиями – вытащили на берег двадцатикилограммового сома: самого натурального сома, только с очень длинными и толстыми многоярусными усами и крупными жёлто-оранжевыми пятнами на боках. Или же эти пятна просто так выглядели – в черноте тропической ночи и отблесках яркого походного костра?

Как бы там ни было, но пойманная рыба и на вкус оказалась сомом.

Обыкновенным сомом – запечённым в обычных углях самого обыкновенного тропического костра...

А ещё после того, как сом был успешно вытащен на берег, распотрошён и порезан на порционные куски, Ник решил искупаться: разделся догола, да и бухнулся «ласточкой» в тёмно-коричневые воды безымянного притока Коллон Куры. Поплескался от души, вволю поплавал и, понятное дело, выбрался на берег.

– Что это за татуировка? – тут же заинтересовался Эрнесто. – На вашем, дон Андрес, левом плече? Определённо, знакомая физиономия. Только автомат...э-э-э, какой-то непривычный...

«Это же, дружок, ты – собственной персоной – и есть», – мысленно усмехнулся Ник. – «Только уже, понятное дело, «в возрасте», с лохматой бородой и «Калашниковым» в руках. Это мне в 1995-ом году дворовые приятели накололи. Чисто по малолетству...».

Вслух же он сказал совсем другое:

– Да так, один малоизвестный «книжный» герой, и не более того.... Автомат? Обычный, на мой взгляд, автомат. Российской сборки...

Потом они совместно, даже иногда меняясь местами, добрались до городка Сан-Мартин-де-лос-Андес. А оттуда – за три приёма – до Сан-Карлос-де-Барилоче.

Здесь Эрнесто и Миаль (естественно, вместе с верным «Победителем Вторым»), должны были сесть на баржу «Скромная Победа» и отбыть – водным путём – к чилийской границе.

– Извините, дон Андрес, но мой трудовой Контракт с вашей многоуважаемой компанией истёк неделю назад, – заговорщицки перемигнувшись с Че, объявил Банкин. – И продлевать его я не намерен, кха-кха.... Только вы, пожалуйста, не подумайте ничего плохого. Меня, честное и благородное слово, всё-всё устраивало. И работа. И ваше мудрое руководство. И заработная плата.... Просто захотелось, кха-кха, немного попутешествовать вместе с ребятами. Так, самую малость. Через весь континент.... Говорите, что «Победитель Второй» рассчитан только на двух седоков? Мы обязательно что-нибудь придумаем. Например, купим второй мотоцикл. Или, на крайний случай, мопед. Или же угоним, если денег не хватит...

– Миаль, присматривайте, пожалуйста, за этими двумя шалопаями, – попросил Ник. – Ну, и удачной вам дороги, друзья. Мы ещё непременно встретимся. Да и не один раз...

Глава пятая

Встреча со старинными друзьями

Прошло почти два года.

Ранним погожим утром двадцать шестого декабря 1953-го года Ник прибыл в город Гватемалу, столицу одноимённого латиноамериканского государства. В том смысле, что прилетел регулярным рейсом из «штатовского» Майами. А сам город полностью именовался – «La Nueva Guatemala de la Asunción», что в переводе с испанского языка означает – «Новая Гватемала Вознесения».

– Андрес Буэнвентура-и-Гарсия? – тщательно изучая его паспорт, на всякий случай уточнил хмурый работник гватемальской таможни. – Испанский подданный?

– Испанский, – лучезарно улыбнувшись, подтвердил Ник. – Коренной и почти постоянный житель блистательной и неповторимой Барселоны.

– Цель приезда в Гватемалу?

– Коммерция. Многогранная и широкая коммерция.

– Вы, конечно, шутите, сеньор? – недоверчиво хмыкнул таможенник. – Не сегодня, так завтра здесь начнётся серьёзная стрельба, плохо сочетающаяся с успешной торговлей.... Вы, часом, не ошиблись с выбором маршрута?

– Стрельба? В честь чего, извините? И по какому, собственно, поводу?

– По поводу очередного военного переворота.

– Вы это серьёзно? – удивлённо передёрнул плечами Ник. – Ничего не знал о таком мало-приятном и дурнопахнущем варианте.

– Где вы намерены остановиться?

– В доме Алекса и Анны Толедо, моих давних друзей. На вилле под названием – «Толедо».

– Вы знакомы с сеньорой Анной Толедо? Лично?

– Безусловно.

– Завидую, – возвращая паспорт, вздохнул таможенник. – Такая женщина. Такая.... Живая легенда, как-никак.... Можете идти, сеньор Буэнвентура. Адияс. И.... Донье Анне передайте горячий и пламенный привет. От кого? От гватемальской таможенной службы. В полном её составе, понятное дело....

«Интересное кино», – подхватив чемодан, подумал Ник. – «Айна нынче является известной и легендарной персоной? По крайней мере, в Гватемале? И чем же, интересно, она так знаменита? Хм.... В Москве ничего такого не говорили. Наоборот, ограничились весьма скупой информацией, мол: – «На сегодняшний момент супруги Сизых (то бишь, Толедо), являются насквозь мирными и неприметными фермерами средней руки....».

Он покинул здание «зала прилётов», остановил первое попавшееся под руку такси и, устроившись на заднем сиденье, назвал адрес.

– Это же, как я понимаю, где-то рядом с пансионатом «Сервантес»? – трогая автомобиль с места, уточнил сонный шофёр, а получив утвердительный ответ, многозначительно усмехнулся: – Приметный такой райончик, ничего не скажешь.... Чем, интересуетесь, он приметен? А своими беспокойными обитателями – сплошные революционеры, бунтари и заговорщики. Причём, как приезжие – уже выгнанные из своих стран, так и доморожденные. Ну, а между ними, как и полагается, активно бродят-шастают правительственные полицейские агенты и

злокозненные американские шпионы. Ну, из этой новой организации.... Как там её величают? Кажется, ЦРУ¹³?

– Вполне возможно, – равнодушно пожал плечами Ник. – Я, милейший, политикой не интересуюсь. Совсем. Ну, ни капельки.... Надеюсь, в вашей благословенной Гватемале это не является серьёзным преступлением?

– Скажете тоже, сеньор, – белозубо улыбнулся шофёр, решивший, видимо, на время распрощаться со своей сонливостью. – Преступлением. Ха-ха-ха.... Но, тем не менее, и такой, безусловно, разумный подход может быть смертельно-опасным.

– И чем же?

– Могут усыпить, заспиртовать в большой стеклянной банке и выставить в местном Музее естествознания. Мол: – «Единственный – за последние сто пятьдесят лет – человек в Гватемале, который не интересовался политикой...». Ха-ха-ха...

– Хорошая шутка, – одобрил Ник. – По крайней мере, не затасканная.

– Стараюсь, сеньор.... Вы же, судя по характерному выговору, испанец? Ага, я так и думал.... А по какой нужде прибыли в Гватемалу? Если не секрет, конечно?

– Не секрет. Хочу обсудить с сеньорой Анной Толедо...э-э-э, некоторые коммерческие вопросы.

– Даже так? – искренне восхитился таксист. – Ай, да донья Анна! Ну, и хватка! Ей уже американского рынка сбыта мало? Хочет выйти и на европейский? Вот же, молодец! Срочно надо выдвигать её в гватемальские Президентши! Срочно и всенепременно! Впрочем, не надо.... Жалко же. Такая красивая и славная женщина. А в нашей беспокойной Латинской Америке, как известно, Президенты долго не живут. Благодаря, в первую очередь, всяким там армейским путчам, спровоцированным подлыми и бесстыжими американцами.... Кстати, сеньор, а у вас глаза светятся как-то по-особому.... Намечается долгожданная встреча с пасией сердечной? Я угадал?

– Вполне возможно, – вздохнул Ник. – Может быть...

Он, действительно, ступая на гватемальскую землю, слегка волновался: недавно всплыла информация, что семейство Виртанен переселилось из северной Финляндии именно в эти тропические края, а после этого светло-голубые глаза Анны-Марии (в обрамлении тёмно-рыжих волос), стали сниться ему всё чаще и чаще. Практически каждую ночь.

– Женщину моей мечты зовут – «Анной». Но это, как легко догадаться, не сеньора Толедо, – уточнил, на всякий случай, Ник.

¹³ ЦРУ – Центральное разведывательное управление США, было создано в 1947-ом году после принятия «Закона о национальной безопасности», подписанного Президентом США Гарри Трумэном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.